This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

47/50/102870

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

=

КНИГА 15-я.

=

МОСКВА.
1852

ИЗДАНІЯ

ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

(Все цѣны означены за серебро.)

ТРУДЫ ИЛИ ДѢЯНІЯ ОБЩЕСТВА Исторіи и Древностей Россійскихъ, 8 Частей 1845—1857 г. Цѣна за всѣ Части, кромѣ 5-й, по 40 к., за пересылку, по вѣсу, по 2 р.

РУССКАЯ ДОСТОПАМЯТНОСТЬ, Части первая—Ш-ая статей историческаго содержанія. 1815 г.; 12. 30 к., вѣсу по 2 ф.—Части вторая, Памятники древней Русской Письменности, Л. Ю. Дубенскаго. М. 1845 г.; 12. 75 к., вѣсу по 2 ф.—Часть первая, Акты и Памятники Вѣковые, Л. Ю. Дубенскаго. М. 1846 г. Цѣна 75 к., вѣсу по 2 ф.

АКТОВЫЯ МАТЕРІЯЛЫ, къ Археологіи самаго способа Дѣлопроизводства, изд. Прот. Ѳ. Терновскимъ, предполагаются 1852 г.; 8. 1853 г. 12. 30 к., вѣсу по 2 ф.

ПРУДЬ-РУССКАЯ ДРЕВНОСТЬ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАЯ Грамота Андрея изъ Русской Вотчины, изд. Ѳ. Ѳед. 8. 12. Полубин. М. 1851 г. 12. 75 к., вѣсу, по 2 ф.

ДРЕВНЯЯ ЖИТІЯ ГЕОРГІЯ ХОЗЕВИТА, списанныя Петромъ Ивановымъ, переписчикомъ Ивана-Калиты. М. 1850 г. Цѣна 60 к., вѣсу по 2 ф.

ЛЕКСИКОНЪ ДОЛЖНОСТЕЙ ДВОРОВЫХЪ по историческимъ книгамъ Сего Царства Россійскаго. 1850 г. Цѣна 2 руб., пересылка по 2 ф.

ЖАЛОТОВАННАЯ ГРАМОТА, пожалованная отъ Новгородскаго Господина Господ. Свято-Ю-Юрьевскому Дерптскому, отъ Ливонскаго ордена Ю. Древняго. М. 1851 г. Цѣна 1 р. 75 к., пересылки по 2 ф.

ЛЕТОПИСАНІЯ ГРАМОТНОСТИ, составленныя Новгородцемъ и Клинцомъ спорящимися, изд. Ключ. М. А. Оболенскимъ. М. 1850 г. 12. 1 р., вѣсу по 2 ф.

ПОЛОЖЕНІЯ ВЕЛИКОКНЯЖ., изд. Ѳ. Ѳ. Дубенскимъ. М. 1847 г. 12. 1 р., вѣсу 2 ф.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОѲИКА, Руководство Профессора Погодина. М. 1847—48 г. 7 Томовъ. Цѣна за всѣхъ Томовъ 7 р., вѣсу по 2 ф. за каждый.

ПОВѢСТВОВАНІЕ О РУССІИ, въ первой половинѣ, заключающей въ себѣ Книги 1607 Истекшаго смутнаго. М. 1850 — 1851 г., соч. М. С. Щербатовымъ. Цѣна за 2 и 3-й томы 3 р., по вѣсу, по 3 ф., за 3-й томъ 2 р., вѣсу, по 2 ф.

КНИГА ПРОИЗВОДСТВА ЧАСТНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКАГО, напечатанная съ подлинныхъ списковъ Литовскихъ Актовъ по отношеніямъ Боярской Смѣшанной Дворянъ и Сеймовой Комиссіи, за 1811 годъ, издавалъ подъ руководствомъ Князя Д. Оболенскаго; Ю. Ю. Арцимовичъ, М. Ѳ. Платоновъ и А. Ю. Дубенскій. М. 1843 г. 8. 3 р., по вѣсу, по 4 ф.

КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ одного изъ Черныхъ или Гавріилитовъ (или полемическое Христіанское дѣло Князя Константина Васильевича Острожскаго съ Іезуитомъ), соч. Дѣяніе Архимандр. изд. съ Предисловіемъ и Библіографіею М. Ѳ. Платоновъ. Цѣна 1 р., вѣсу по 2 ф.

КНИГА, называемая Великій Чертежъ, или 1-я часть, описывающая Московскія Земли, составленная Тульскимъ Дѣтемъ Иваномъ Ѳедоровымъ Годуновымъ. М. 1838 г. 8. 1 р. 50 к., вѣсу по 2 ф.

О РУССКОЙ ПОЭЗІИ, по древнимъ Эпическимъ преданіямъ, и отчасти о Сказкахъ, Пословицахъ, Загадкахъ, Вопросахъ Богатырскихъ, Свадебныхъ, Хороводныхъ и Игровыхъ пѣсняхъ. М. Д. Киреевскаго. 1848 г. Цѣна 30 коп., вѣсомъ по 2 ф.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКАГО ГОСУДАРСТВА, изданныхъ Императорскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ. Ѳ. Ѳ. Платоновъ. М. 1848 г. 8. 1 р. 50 к., вѣсу по 2 ф.

ИСТОРІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, Кн. Г. Вотчинныя. М. 1848 г. 8. вѣсу 2 ф.

ДѢЯНІЯ И ДОКУМЕНТЫ ВОЗНИКШІЕ, изд. А. Попова, 12 Томовъ. М. 1848 г. 8. 4 р. 50 к., вѣсу по 2 ф.

ДОПОЛНЕНІЯ ПОЛНОГО СОБРАНІЯ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ, изд. А. Попова, 12 Томовъ. М. 1851 г. 8. 3 р., вѣсу по 2 ф.

ИСТОРІЯ ВОЗНИКНОВЕНІЯ ВЕЛИКОРОССІЙСКАГО НАРѢЧІЯ, соч. А. Востокова, 12 Частей. М. 1848 г. 8. 2 р., вѣсу по 2 ф.

СОБРАНІЕ
В.Г.ГЛАЗОВА

ВРЕМЕННИКЪ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО ОБЩЕСТВА ИСТОРІИ

И

ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1852.

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES
STACKS
DEC 2 5 1969

ИЗСЛѢДОВАНІЯ.

РУСЬ

ВЪ

ПЕРВЫЯ СТО ЛѢТЪ

ОТЪ ПРИБЫТІЯ

РЮРИКА ВЪ НОВГОРОДЪ.

Древнѣйшій нашъ лѣтописецъ Несторъ говоритъ, что Русскіе Князья братья прибывшіе къ Новгородцамъ, какъ мы уже упоминали, поселились Рюрикъ въ Ладогѣ, Синеусъ на Бѣлѣозерѣ, Труворъ въ Изборскѣ; и потомъ продолжаетъ, что черезъ два года Синеусъ и Труворъ умерли, и Рюрикъ, принявъ всю власть, одинъ владѣлъ Новгородскою страною, и роздалъ своимъ мужамъ города: кому Ростовъ, кому Полоцкъ, кому Бѣлоозеро, кому Муромъ. «По дву же лѣту Синеусъ умре, и братъ его Труворъ, и прія власть Рюрикъ; и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полтескъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоозеро. И по тѣмъ городомъ суть находницы Варязи; а первіи насельници въ Новѣгородѣ Словѣне, Полотьски Кривичи, въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлѣозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома; и тѣми всѣми обладаша Рюрикъ.» [1] Это извѣстіе Нестора прежде всего свидѣтельствуетъ, что непосредственная власть Рюрика и его братьевъ была разпространена не на всю Новгородскую область: они владѣли только Ладогою, Ростовомъ, Бѣлымъ озеромъ, Муромомъ, Полоцкомъ и Изборскомъ; Новгородъ же собственно, Псковъ, Старая Руса и другіе города и владѣнія Новгородскія, о которыхъ мы упоминали вы-

[1] Полн. соб. Рус. лѣт. Т. I. стр. 9.

въ Торжку. Княже, держати тивунъ на своей чясти, а Новгородець на своей части. А се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. А на озвадо ти, Княже, ездити лѣтѣ звери гонить, а въ Русу нехати; ехати ти въ Русу на третиюю зиму, а въ Ладогу, Княже; ехати на третиее лѣто.... А куды пошло судіи твоему ездити по волости, ехати имъ межень по Петровѣ дни.... А дворяномъ твоимъ, Княже, ходити по пошлинѣ, какъ пошло изперва.... А за волокъ ти своего мужа не слати, слати Новгородца.» [4] Двойное свидѣтетельство Скандинавскихъ сагъ и Новгородскихъ оффиціальныхъ грамотъ прямо и ясно говоритъ, что въ Новгородскомъ краю, хотя власть княжеская признавалась по всѣмъ владѣніямъ, но непосредственно Князь и его мужи владѣли только нѣкоторыми городами и волостьми, въ другихъ же городахъ и волостяхъ владѣли мужи Новгородскіе, Князь же пользовался съ нихъ только доходами какъ верховный судья, и нѣкоторою условленною данью какъ Государь всеи Новгородской земли, которая дань въ грамотѣ даже не названа данью, а даромъ: «а ты волости держати мужи Новгородьскыми, а даръ отъ нихъ имати. Конечно свидѣтельство грамоты относится къ XIII столѣтію, слѣдовательно ровно четырьмя вѣками позднѣе приглашенія Рюрика въ Новгородъ; но это нимало немѣшаетъ намъ пользоваться симъ свидѣтельствомъ, ибо оно вполнѣ согласно и съ извѣстіемъ Нестора и съ Скандинавскими сагами; согласіе грамоты съ Несторомъ простирается до того, что въ томъ и другомъ памятникѣ изключался изъ непосредственной Княжеской власти именно одинъ край; Несторъ въ числѣ областей розданыхъ Рюриковымъ мужамъ не упоминаетъ о Волокѣ, (который, какъ мы видѣли выше, уже принадлежалъ тогда Новгороду [5]) и грамота прямо говоритъ: «а за Волокъ ти своего мужа неслати, слати Новгородьца» Несторъ не упоминаетъ въ томъ же числѣ, ни Перьми, ни Югры ни Печеры, (хотя при самомъ началѣ своей лѣтописи называетъ ихъ уже данъниками Рускими [6]) и грамота говоритъ: «а се волости Новгородьскые: Бежиче, Городець, Вологда, Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера; а ты волости дьржати мужи Новгородьскы-

[4] Собр. Г. Гр. и Дог. Т. I. № 2. и другія.
[5] Времен. кн. VIII. отд. I. стр. 89.
[6] Пол. соб. Р. лѣт. Т. I. стр. 5.

зя было оставаться ни коимъ образомъ; ибо въ противномъ случаѣ перевѣсъ силы въ Славянскомъ племени надъ Рускимъ грозилъ Рюрику и его братьямъ, ежели не изгнаніемъ, то покрайней мѣрѣ крайнимъ ослабленіемъ и стѣсненіемъ ихъ владычества, что ставило бы ихъ въ невозможность поддерживать нарядъ и правду, для чего они именно и были призваны. И въ нѣкоторыхъ спискахъ Несторовой лѣтописи даже древнѣйшихъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство объ успѣхахъ Рюрика въ разпространеніи своей власти надъ Новгородцами, именно Ипатіевскій Хлѣбниковскій Радзивильскій и Троицкій списки Несторовой лѣтописи говорятъ, что по смерти братьевъ Рюрикъ пришедъ къ Ильмерю, и сруби городъ надъ Волховомъ, прозва(ша) и Новгородъ, и сѣде ту княжа. [7] Слѣдовательно Рюрикъ изъ Ладоги уже перебрался по Волхову къ Ильменю, гдѣ былъ главный городъ Ильменьскихъ Славянъ Новгородъ, построилъ тамъ надъ Волховомъ городъ или крѣпость, которую также назвалъ Новгородомъ. Это свидѣтельство лѣтописи взятое отдѣльно даетъ поводъ думать, что Новгородъ былъ построенъ Рюрикомъ; но таже лѣтопись свидѣтельствуетъ, что Новгородъ былъ построенъ Ильменскими Славянами задолго до прибытія Рюрика; ибо Несторъ, разсказывая о разселеніи Славянскихъ племенъ, прямо говоритъ: «Словѣни же сѣдоша около озера Илмеря, прозвашася своимъ имянемъ, и сдѣлаша градъ, и нарекоша и Новгородъ.» [8] Слѣдовательно Рюрикъ выдвинувшись отъ Ладоги къ Ильменю, построилъ только крѣпость надъ Волховомъ противъ Славянскаго Новгорода, именно на той сторонѣ, которая въ послѣдствіи называлась Софійскою. Эту мысль вполнѣ подтверждаетъ третья Новгородская лѣтопись, въ которой сказано: «Въ лѣто 6552. Ходи великій Князь Ярославъ Владимировичь на Литву; а на весну заложи Новгородъ, и сдѣла на Софійской сторонѣ каменной городъ.» [9] Что подтверждаетъ и вся послѣдующая исторія Новгородская, въ которой Софійская сторона постояно является княжескимъ городомъ. Такимъ образомъ Рюрикъ съ своею крѣпостію надъ Волховомъ прямо примкнулся къ Новгороду; чего конечно онъ немогъ бы сдѣлать, ежели бы значительно не усилился противъ того положенія, въ которомъ былъ во время первоначальнаго приглашеніе. А построеніе крѣпости прямо противъ Славянскаго Новгорода доставило Рюри-

---

[7] Пол. Собр. Лѣт. Т. I, стр. 9. Варіант. е.

[8] Пол. Собр. Лѣт. Т. I стр. 3.

[9] Пол. Соб. Лѣт. Т. III стр 211.

[illegible]

си и Муромы принадлежали Новгороду, ибо въ нихъ какъ уже извѣстно по лѣтописямъ сидѣли мужи Рюриковы. Предполагать здѣсь Рюриковы завоеванія мы неимѣемъ никакого права; ибо во первыхъ о завоеваніяхъ сихъ неупоминаютъ лѣтописи. * И во вторыхъ по самому ходу дѣлъ они были невозможны ни для Рюрика ни для его мужей; невозможность сію нельзя опровергать воинственнымъ и безпокойнымъ характеромъ Варяговъ или Норманновъ, какъ думаютъ дѣлать нѣкоторые позднѣйшіе писатели, старающіеся навязать Рюрику небывалыя завоеванія.

Варяги или Норманны точно были воинственны и безпокойны, извѣстіями о ихъ морскихъ набѣгахъ и грабежахъ переполнены всѣ лѣтописи западной Европы; но воинственность и безпокойность ихъ характера условливалась мѣстностію и отношеніями къ сосѣдямъ. На родинѣ, въ Скандинавіи, они не сидѣли дома потому, что этотъ при-

* Я здѣсь разумѣю древнія лѣтописи; свидѣтельство Софійскаго временника и Воскресенской лѣтописи, въ которыхъ есть выраженія: «и начаша воевати всюду,» въ настоящемъ случаѣ неможетъ быть доказательствомъ; ибо редакція, въ которой дошли до насъ сіи двѣ лѣтописи, относится къ концу XV и XVII столѣтіямъ. При томъ въ обѣихъ лѣтописяхъ настоящее извѣстіе явно искажено, и подновлено. Вотъ подлинныя слова той и другой лѣтописи. Въ Софійской: «Избрашася отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими, и пояша съ собою дружину многу; и пришедъ старѣйшій Рюрикъ сѣде въ Новѣгородѣ, а Синеусъ, братъ Рюриковъ, на Бѣлѣозерѣ, а Труворъ въ Изборьсцѣ и начаша воевати всюду. А о тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь, и о тѣхъ словетъ Русьская земля; и суть Новгородстіи людіе и до нынѣшняго дени отъ рода Варяжска, прежде бо бѣша Словѣни.» А вотъ и текстъ Воскресенской лѣтописи. «И пріндоша отъ Нѣмецъ три браты съ роды своими. и пояша съ собою дружину многу. и пріндоша старѣйшій Рюрикъ. сѣде въ Новѣградѣ и отъ того нарѣчеся времени великъ городъ. а Синеусъ братъ Рюриковъ на Бѣлоозерѣ, а Труворъ въ Изборсцѣ. и начаша воевати всюду. отъ тѣхъ Варягъ находницѣхъ прозвашася Русь. и отъ тѣхъ временъ словетъ Русская земля. и суть Новгородстіи людіе. и до нынѣшняго дни, бѣ бо Рюрикъ отъ рода Варяжска. а преже бо бѣша Словѣне до Рюрика нарѣкошася.» Здѣсь постепенное искаженіе и подновленіе древняго текста такъ очевидно, что подобныя свидѣтельства ни коимъ образомъ не могутъ быть доказательствами; самая неопредѣленность выраженія: «и наша воевати всюду,» обличаетъ новаго грамотея нисколько непонимавшаго дѣла; ибо Нестора нигдѣ нельзя укорить въ неопредѣленности.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Аскольдѣ и Дирѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ, что собственно въ Новгородскомъ краю Рюрикова Русь недѣлала завоеваній. Ибо ежелибы для нее было мѣсто завоеваніямъ въ Новгородскомъ краю, то Аскольдъ и Диръ съ товарищи нестали бы проситься въ Константинополь и ратоборствовать въ далекомъ Приднѣпровьѣ, а напротивъ нашли бы мѣсто для своихъ подвиговъ и поближѣ. Да и самъ Рюрикъ не согласился бы отпустить отъ себя такихъ молодцовъ; ежели бы положеніе его объусловливало завоеванія въ Новгородскомъ краю, ежели бы онъ находилъ сколько нибудь возможнымъ попытать военнаго счастья. Согласіе Рюрика на отпускъ Аскольда съ дружиною ясно показываетъ, что Рюрику много было дѣла и безъ войнъ, что обязанность его водворить нарядъ и судъ въ Новгородской землѣ изключала всѣ военныя предпріятія, что война невходила въ составъ его обязанностей и даже прямо противорѣчила насущнымъ потребностямъ его положенія,—утвердить свою власть въ странѣ, куда пришелъ онъ по добровольному приглашенію. Ему прежде всего нужно было обезпечить прочность своей власти въ народѣ сильномъ и богатомъ, большая и главнѣйшая часть котораго по произхожденію своему была совершенно чужда и ему и его племени; ему нужны были большое умѣнье и осторожность водворить приведенную съ собою Русь въ городахъ уже занятыхъ другими племенами, тамошними старожилами или старѣйшими пришельцами завоевателями, и притомъ водворить тихо и мирно нераздражая старыхъ хозяевъ, опасныхъ для его племени своею силою и многочисленностію; чѣмъ онъ дѣйствительно и занимался въ продолженіи 17 лѣтъ своей Новгородской жизни; ибо по прямому свидѣтельству лѣтописи при немъ Новгородскій край прозвался Рускою землею. И Рюрикъ, какъ мы уже видѣли достигъ этаго невдругъ и не безъ значительныхъ препятствій: такъ изъ Ладоги первоначальнаго своего мѣстопребыванія въ Новгородскомъ краю, онъ передвинулся къ Новгороду только по смерти уже своихъ братьевъ; да и то занялъ не собственно Новгородъ, а только успѣлъ построить крѣпость на берегу Волхова противуположномъ Новгородскому, и это сдѣлалъ не безъ сопротивленія Новгородцовъ; «лѣтопись ясно говоритъ: «оскорбившася Новгородцы, глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ рода его;» и не удовольствіе Новгородцовъ выразилось не въ одной молвѣ и толкахъ народа; а напротивъ составилась партія подъ предводительствомъ Вадима Храбраго, и произвела возстаніе, которое тогда только утихло, когда Рюрикъ одержалъ побѣду

[illegible]

[illegible]

[illegible]

сага Орваръ Одда [14], обнимали собою весь сѣверный край нынѣшней Россіи отъ Балтійскаго моря на сѣверъ до Гандвика и сѣвернаго Океана, на востокъ почти до Уральскихъ горъ, и на югъ до впаденія Оки въ Волгу до верховьевъ Днѣпра и до Западной Двины. Сихъ границъ Новгородскія владѣнія почти никогда непереступали въ продолженіе всей исторіи Новгорода; слѣдовательно Новгородцы незаботились о завоеваніяхъ не только при Рюрикѣ но и послѣ его. Конечно по лѣтописямъ мы видимъ, что Новгородцы не отказывались отъ войнъ; но не для разпространенія владѣній, а только для поддержанія своей власти въ тѣхъ краяхъ, которыя уже зависѣли или полузависѣли отъ Новгорода; да и сіи войны почти всегда велись Новгородскими средствами, и Князья въ нихъ участвовали очень рѣдко. Слѣдовательно предполагать что Новгородцы, приглашая Рюрика, имѣли въ виду завоеванія, не дозволяетъ вся Новгородская исторія, которая прямо говоритъ, что Новгородцы постоянно заботились только объ успѣхахъ своей торговли, о средствахъ къ ея разпространенію и объ устраненіи тѣхъ препятствій, которыя бывали отъ сосѣдей. Въ Новгородѣ торговля и обезпеченіе правъ и наличныхъ выгодъ разныхъ классовъ народа были главнымъ двигателемъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, отсюда проистекали и войны, и мирные договоры, и приглашенія князей, и смуты народныя, и бури веча. Это отличительный характеръ всей Новгородской исторіи послѣ Рюрика вплоть до завоеванія Новгорода Іоанномъ III; а по сему мы неимѣемъ никакой возможности отрицать этотъ характеръ и при Рюрикѣ, и тѣмъ болѣе, что лѣтопись прямо говоритъ, что Рюрикъ былъ приглашенъ володѣть, судить и возстановить утраченный нарядъ, а не воевать.

Доказавши, что Рюрикъ по прибытіи въ Новгородскій край не дѣлалъ завоеваній, а только старался о введеніи наряда и о водвореніи приведенной съ собою Руси, теперь слѣдуетъ показать какимъ образомъ онъ достигъ этаго. Лѣтопись нигдѣ неговоритъ прямо какія средства употребилъ Рюрикъ для введенія наряда въ Новгородскомъ краю; но мы знаемъ изъ Скандинавскихъ сагъ, что тамошніе Конунги или сами ѣздили по областямъ для произведенія суда и разправы или съ тою же цѣлію посылали своихъ мужей; Рюрикъ былъ Скандинавъ; слѣдовательно и онъ употреблялъ тѣже средства, т.

---

[14] Antiq. Russ. pag. 103.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

важныя имѣли послѣдствія, что города уступленные Новгородцами Рюрику болѣе уже не возвращались къ Новугороду никогда, хотя преемники Рюрика въ послѣдствіи переселились въ Кіевъ и не всегда владѣли самымъ Новгородомъ; таковы на примѣръ по свидѣтельству лѣтописей были города: Ростовъ, Бѣлоозеро, Муромъ со всѣми ихъ областями, которые навсегда остались за Рюриковымъ потомствомъ. Какъ случился такой значительный переходъ Новгородскихъ городовъ въ Русскіе, лѣтописецъ необъясняетъ подробно; но этотъ переходъ объясняется самъ собою, когда мы сообразимъ состояніе сихъ городовъ до Рюрика. Города сіи хотя были построены на землѣ не Славянской, (ибо Ростовъ находился въ краю заселенномъ Мерею, Бѣлоозеро Весью, Муромъ Муромою, которые племена по свидѣтельству Нестора были не Славянскаго происхожденія: «*свой языкъ имуще*» [18]) но тѣмъ не менѣе въ продолженіи всей Руской исторіи являются съ народонаселеніемъ по крайней мѣрѣ въ самыхъ городахъ говорящимъ на Славянскомъ языкѣ, и притомъ съ формами общественной жизни Новгородскими. (Такъ подъ 1176 годомъ лѣтописецъ сравниваетъ Ростовцовъ и Суздальцовъ съ Новгородцами и Полочанами: «Новгородци бо изъ начала, и Смолняне, и Кіяне, и Полочане и вся власти яко же на думу на вѣча сходятся, на что же старѣйшіи сдумаютъ на томъ и пригороди станутъ; а здѣ городъ старый Ростовъ и Суздаль, и вси боляре, хотяще свою правду поставити.» [19]) Слѣдовательно они первоначально были Новгородскими колоніями въ Финскомъ краю, какъ мы уже замѣтили прежде, [20] колоніями вполнѣ зависѣвшими отъ Новгорода и управлявшимися Новгородскими мужами. А посему когда Новгородцы передали ихъ въ кормленье Рюрику и его братьямъ, какъ Новгородскимъ князьямъ, то пользуясь сею передачею они совершенно отпали отъ Новгорода, и соединясь въ водворившееюся у нихъ Рюриковою Русью, сдѣлались независимымъ отъ Новгорода Рускимъ владѣніемъ, какъ отдѣльное достояніе князей Рюрикова дома. Произошло ли это при Рюрикѣ или по смерти его, когда Олегъ перебрался изъ Новгорода въ Кіевъ, за неимѣніемъ извѣстій, мы опредѣлить неможемъ; но во всякомъ случаѣ то несомнѣнно, что переходъ означенныхъ Новгородскихъ коло-

---

[18] Ibid. 5.

[19] Пол. Соб. лѣт. Т. I. стр. 160.

[20] Руск. земля до Рюрика. стр. 87—92.

лѣтопись конечно называетъ Болгаръ Камскихъ, ибо слѣдуя Нестору здѣсь нельзя допустить, что бы Аскольдовъ сынъ воевалъ на Дунаѣ, когда отецъ его со всѣмъ своимъ родомъ былъ еще въ Новгородской землѣ при Рюрикѣ или при его братьяхъ. А когда здѣсь дѣло идетъ о Камскихъ Болгарахъ; то стало быть Аскольдъ и Диръ съ своимъ родомъ служили при Синеусѣ, владѣнія котораго въ странѣ Суздальской и Муромской дѣйствительно могли быть въ сосѣдствѣ съ владѣніями Камскихъ Болгаръ. И набѣгъ Аскольдова сына на Болгаръ явно свидѣтельствуетъ, что около Синеуса служила самая неугомонная Руская молодежь, которой несидѣлось на одномъ мѣстѣ, и что предводителями сей молодежи были самые отчаянные бойцы состарившіеся и закалившіеся въ битвахъ братья Аскольдъ и Диръ, которымъ также нежилось безъ набѣговъ. Самое имя Синеусъ въ Норманской формѣ *Синіутъ*, Signiutr или Signiautr, значитъ по Нормански побѣдоподвижникъ, побѣдоносецъ, (Мухамед. нумиз. Савельева стр. CXXX.) А по сему около храбраго неугомоннаго Князя сбиралась и храбрая дружина, слѣдовательно неугомонная Руская молодежь преимущественно была сосредоточена при Синеусѣ Князѣ Бѣлозерскомъ. По смерти Синеуса Рюрикъ, какъ видно, перевелъ эту вольницу въ другой совершенно противоположный край по ближѣ къ Новгороду; ибо подъ 865 годомъ таже Никоновская лѣтопись говоритъ: «Воеваша Аскольдъ и Диръ Полочанъ, и много зла сотвориша.» Но очевидно при Рюрикѣ и почти на глазахъ его (т. е. поближе къ Новгороду) имъ небыло прежней свободы въ грабежахъ и разбояхъ; а посему Аскольдъ и Диръ, какъ предводители буйной вольницы, стали проситься у Рюрика, чтобы онъ отпустилъ ихъ въ Царьградъ, въ этотъ обычный край Варяжскихъ странствованій. Рюрикъ конечно желая избавиться отъ буйной толпы, отпустилъ какъ ихъ самихъ такъ и ихъ дружину, т. е. всю вольницу, которая по его мирному положенію въ Новгородскомъ краю была не только ненужна, но даже опасна при столкновеніи съ Новгородцами.

Аскольдъ и Диръ выпросившись у Рюрика въ Константинополь, пошли съ своею дружиною по Днѣпру внизъ, и достигнувъ земли занятой Полянами, увидали на правомъ берегу Днѣпра городокъ Кіевъ, и по обычаю Варяговъ и всѣхъ повольниковъ того времени (о которомъ обычаѣ мы говорили: уже выше [22]) остановились противъ города, и спросили чій се градокъ; имъ на это былъ данъ отвѣтъ отъ

[22] Руск. Земля до Рюрика. стр. 61—10.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

рику водворить нарядъ, миръ и тишину, для чего онъ былъ призванъ Новгородцами.

Оставшись въ Кіевѣ и собравши около себя дружину разныхъ повольниковъ, Аскольдъ и Диръ, по свидѣтельству Воскресенской лѣтописи начали воевать съ Древлянами и Уличами.[26] Древнѣйшіе списки Несторовой лѣтописи неупоминаютъ о сихъ войнахъ Аскольда и Дира, но мы неимѣемъ права отвергать свидѣтельства Воскресенской лѣтописи, ибо войны сіи совершенно согласны съ характеромъ повольниковъ,—завоевывать земли и защищать слабыхъ, а въ древнѣйшихъ спискахъ Несторовой лѣтописи есть свидѣтельство, что Поляне по смерти Кія и его братьевъ, быша обидимы Древлями инѣми окольними.»[27] Слѣдовательно предводители повольниковъ оставшись у Полянъ, какъ ихъ защитники имѣли прямой поводъ къ войнамъ съ Уличами и Древлянами, да и при томъ они согласно съ своимъ характеромъ неимѣли большой нужды въ поводахъ, лишь бы гдѣ поживиться добычею, и не сидѣть дома. Попытавшись счастія у Древлянъ и Уличей, и вѣроятно довольно увеличивши свою дружину, Аскольдъ и Диръ въ 866 году снарядили 200 лодокъ и отправились грабить Византійскую имперію, эту завѣтную страну Норманновъ, куда они обыкновенно ходили служить за хорошую плату въ гвардіи Императоровъ. Походъ этотъ начался довольно счастливо, Византійскіе лѣтописцы,[28] а съ ними и нашъ Несторъ свидѣтельствуютъ, что тогдашній Византійскій Императоръ Михаилъ въ то время былъ въ войнѣ съ Арабами, и находился съ своими войками въ Азіи; по этому Кіевскіе повольники явились къ берегамъ имперіи въ самое удобное для себя время; они свободно начали свой обычный грабежъ прибрежныхъ селеній, даже проникли въ Константинопольскій проливъ и обступили съ этой стороны самый Царьгардъ. Увѣдомленный объ этомъ нападеніи Императоръ Михаилъ едва успѣлъ пробраться въ свою столицу; но по всему вѣроятію безъ войска. Нашъ лѣтописецъ свидѣтельствуетъ, что Императоръ вмѣстѣ съ Патріархомъ Фотіемъ отправился въ Влахернскую церковь Божіей матери, и молился тамъ всю

---

[26] Воскрес. лѣт. стр. 73.

[27] Поли. собр. Руск. лѣт. Т. I, стр. 7.

[28] О семъ нападеніи Руссовъ на Константинополь упоминаютъ двѣнадцать Византійцовъ, изъ нихъ трое Никита Пафлагонянинъ, Георгій Амартолъ и Патріархъ Фотій, были современниками событія; слѣдовательно свидѣтелями достовѣрнѣйшими.

Несторъ называетъ Аскольда и Дира владѣтелями земли принадлежавшей Полянамъ; «*начаста владѣти Польскою землею*» говоритъ онъ. Но здѣсь по всему вѣроятію подъ словами Нестора нельзя разумѣть какого либо правильнаго владѣнія; Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною не были приглашены Полянами, какъ Рюрикъ Новгородцами, и не завоевывали Полянской земли; они только остановились въ Кіевѣ, потому что городъ съ одной стороны представлялъ удобную стоянку на большой дорогѣ въ Греческую землю, куда имъ хотѣлось пробраться, а съ другой стороны занятіе сего города непредставляло имъ большихъ затрудненій, ибо тамошніе жители платили дань Хазарамъ, слѣдовательно ради были принять къ себѣ какихъ угодно пришлецовъ, которые бы освободили ихъ отъ этой дани, и согласились защищать отъ непріязненныхъ сосѣдей. Оставшись въ Кіевѣ Аскольдъ и Диръ недумали соединяться съ Полянами, они по обычаю повольниковъ немедленно принялись воевать съ сосѣдями Древлянами и Уличами, и потомъ пустились подъ Византію; но во всѣхъ сихъ войнахъ Поляне кажется непринимали участія, повольники — сбродъ Скандинавовъ и Новгородцевъ всюду дѣйствовали одни; ибо Несторъ прямо говоритъ: «многи Варяги совокуписта и начаста владѣти Польскою землею,» и нигдѣ неупоминаетъ что бы Поляне принимали участіе въ походахъ Аскольдовыхъ, а напротивъ постоянно называетъ это племя мирнымъ, кроткимъ и даже обдимымъ, каковымъ оно вѣроятно и было въ первое водвореніе тамъ Руси; позднѣйшій же, извѣстный по лѣтописямъ, характеръ сего племени развился уже послѣ, когда Поляне слились съ пришельцами, когда Кіевъ сдѣлался матеріею городовъ Русскихъ. Предполагать что Кіевъ еще до Аскольда и Дира былъ сборнымъ мѣстомъ Варяговъ и всѣхъ пришлецовъ повольниковъ мы не можемъ; ибо по прямому свидѣтельству Нестора, Аскольдъ и Диръ нашли въ этомъ городѣ однихъ мирныхъ Полянъ, потомковъ Кія, Щека и Хорива, платящихъ дань Хазарамъ; жители Кіева на вопросъ Аскольда и Дира: «чій се градокъ.» Отвѣчаютъ ясно и подробно: «была суть 3 братья, Кій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ ось, и изгибоша, и мы сѣдимъ, роды ихъ, платяче дань Козаромъ.» Сбродные Варяги и повольники, конечно не стали бы называть себя потомками Кія и данниками Хазарамъ. Такимъ образомъ у повольниковъ Аскольдовыхъ и туземцовъ небыло ничего общаго, кромѣ земли и города, гдѣ жили тѣ и другіе; конечно таковая раздѣльная жизнь въ одномъ городѣ, немогла быть продолжительна, повольники и Поляне должны были со-

ли Аскольдъ и Диръ непереходили на лѣвый берегъ Днѣпра, или просто безъ умыслу непмѣли еще времени перебраться туда; но во всякомъ случаѣ это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что у нихъ не было войнъ съ Хазарами. И Хазары занятые войною съ Уграми и Печенѣгами, и нетревожимые Аскольдомъ и Диромъ на лѣвомъ берегу Днѣпра очевидно во все не думали вступаться за Кіевъ; и тѣмъ болѣе это предположеніе согласное съ извѣстіями лѣтописи заслуживаетъ довѣрія, что и послѣ при Олегѣ Хазары не вступались за Сѣверянъ, когда Олегъ даже перебрался на лѣвый берегъ Днѣпра.,

Преемникомъ Рюрика былъ Олегъ его рѡдственникъ, о которомъ сказано въ лѣтописи: «что Рюрикъ умирая, предастъ княженье свое Олгови, отъ рода ему суща, вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.»[34] Это свидѣтельство лѣтописи для насъ очень важно, и мы здѣсь должны дорожить каждымъ словомъ лѣтописца. Здѣсь во первыхъ лѣтописецъ указываетъ на отношеніе Рюрика къ Новгородцамъ. Рюрикъ не могъ назначить своимъ преемникомъ сына, потому что онъ былъ еще малъ, — «бысть бо дѣтескъ вельми; «слѣдовательно для Новгородцовъ нужно было, чтобы Князь былъ взрослый, который бы могъ самъ наблюдать за порядкомъ и тишиною; Новгородцы непризнавали Княземъ малолѣтнаго; иначе бы Рюрику не зачѣмъ было обходить своего сына и назначать себѣ преемникомъ родственника, сынъ конечно для него былъ ближе всякаго другаго родича. Это прямо показываетъ, что Новгородскій Князь въ то время долженъ былъ быть непремѣнно совершеннолѣтнимъ, который бы самъ управлялъ дѣлами; Новгородцы непризнавали власти только по имени, по ихъ тогдашнимъ понятіямъ права Князя были неразрывно соединены съ личною возможностію исполнять Княжія обязанности; оно такъ и должно быть по тогдашнему состоянію Новгородскаго общества, которое приглашало князя судить и рядить по праву. Во вторыхъ изъ настоящаго же свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ наслѣдовалъ Рюрику не по тому, что онъ былъ старшій въ родѣ; ибо лѣтопись ясно выставляетъ причину наслѣдованія Олега послѣ Рюрика, — малолѣтство Рюрикова сына Игоря: «вдавъ ему сынъ свой на руцѣ Игоря; бысть бо дѣтескъ вельми.» Слова лѣтописи прямо указываютъ, что ежели бы Игорь небылъ дѣтескъ вельми, то Рюрику наслѣдовалъ бы онъ, Игорь, а не Олегъ. Только мало-

---

[34] Пол. соб. лѣт. Т. I стр. 9.

[illegible]

здѣсь ясно говоритъ, что Олегъ ушелъ изъ Новгорода, чтобы болѣе невозвращаться туда, оставилъ Новгородцовъ, не желая болѣе жить у нихъ, и пошелъ даже самъ не зная куда; по этому настоящій Олеговъ походъ нельзя называть какимъ либо преднамѣреннымъ распоряженіемъ Олега и Новгородцовъ для разпространенія Новгородскихъ владѣній; Олегъ пошелъ собственно для себя а не для Новгородцовъ; лѣтопись неуказала мѣста куда пошелъ Олегъ именно потому, что и для него самаго это было еще не совсѣмъ извѣстно. Когда разсказъ идетъ о воинскихъ походахъ съ цѣлію завоеванія или добычи, то лѣтопись постоянно означаетъ страну или племя, куда назначается походъ. Такъ она говоритъ: «почя Олегъ воевати Деревляны, иде Олегъ на Сѣверяне, иде Олегъ на Греки; или: иде Игорь на Древляны, иде Игорь на Греки; или: иде Святославъ на Козары, иде Святославъ на Дунай на Болгары.» Слѣдовательно лѣтописецъ неуказывая куда пошелъ Олегъ изъ Новгорода, самымъ уже выраженіемъ своимъ свидѣтельствуетъ, что Олегъ отправлялся не въ походъ, а просто оставлялъ Новгородъ; забравъ съ собою сколько можно болѣе воиновъ изъ Варяговъ, Чуди, Словенъ, Кривичей и другихъ племенъ жившихъ въ Новгородскомъ краю. Послѣдующія распоряженія Олега вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельство лѣтописи, Олегъ болѣе уже невозвращался въ Новгородъ, невозвращались и тѣ воины изъ разныхъ племенъ, которые пошли съ нимъ, они остались при немъ и можетъ быть поселились въ городахъ основанныхъ имъ въ Приднѣпровьѣ; лѣтопись говоритъ: бѣша у него (Олега) Варяги и Словѣни и прочіи прозвашася Русью; се же Олегъ нача городы ставити.»[37]

Такимъ образомъ ежели Олегъ пошелъ изъ Новгорода собственно для себя а не для Новгородцовъ; то рождается вопросъ, — почему же пошли съ нимъ, кромѣ его единоплеменниковъ Варяговъ, Словени, Чудь, Кривичи, Меря и Весь? какимъ образомъ Новгород-

---

горамъ Кіевскимъ; и увидѣвъ Олегъ, яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.», Слѣдовательно Олегъ подошелъ къ Кіеву нечаянно, не знавъ прежде, что тамъ княжатъ Аскольдъ и Диръ, а не предпринималъ похода на Кіевъ еще будучи въ Новгородѣ, лѣтопись ясно говоритъ: прінде къ горамъ Кіевскимъ и увидѣвъ, яко Аскольдъ... что совершенно согласно и съ другими лѣтописями.

[37] Пол. соб. лѣт. Т. I. стр. 10.

взя выражаетъ со всемъ не то что *прія*, *взя* значитъ взять силою, захватить, завоевать. По завоеваніи Любеча Олегъ пустился внизъ по Днѣпру и подошелъ къ горамъ Кіевскимъ, и тутъ только узналъ, что Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ. Лѣтописецъ именно говоритъ: «Пріидоста къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжита.» [39] Такъ слово въ слово сказано во всѣхъ спискахъ Несторовой лѣтописи, которыми пользовалась при изданіи Археографическая Коммиссія; таже мысль, хотя въ другихъ словахъ выражена въ Воскресенской лѣтописи: «Пріиде въ низъ по Днѣпру къ горамъ Кіевскимъ, и увидѣвъ Олегъ яко Аскольдъ и Диръ княжатъ въ Кіевѣ.» [40] Почти въ тѣхъ же словахъ и въ Никоновской лѣтописи: «Пойде внизъ по Днѣпру, и приде къ горамъ Кіевскимъ; и увѣде Олегъ, яко Оскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [41] Въ Рускомъ лѣтописцѣ изданномъ Львовымъ также сказано: «поиде къ горамъ Кіевскимъ и увидавъ, яко Оскольдъ и Диръ въ Кіевѣ князьями.» [42] Только такъ называемый Архангелогородскій лѣтописецъ разногласитъ противъ настоящаго показанія; въ немъ сказано; «Слыша (Олегъ), яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и пойде изъ Новгорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку.... и приде къ горамъ Кіевскимъ, и узрѣста городъ Кіевъ, и вопросиста у нѣкоего человѣка: кто въ семъ городкѣ княжитъ? Онъ же сказа имъ: Аскольдъ и Диръ княжита въ Кіевѣ.» [43] Но здѣсь очевидна позднѣйшая передѣлка въ семъ лѣтописцѣ; [44] а по сему настоящее его свидѣтельство неимѣетъ

---

[39] Ibid. 10.

[40] Воскрес. стр. 75.

[41] Ник. Т. I, стр. 24.

[42] Львов. лѣт. Т. I, стр. 20.

[43] Архангел. изд. второе, стр. 7.

[44] Вотъ для доказательства полный разсказъ сего лѣтописца. «Въ лѣто 6389, Ольгово княженіе. Слыша яко Аскольдъ и Диръ княжита въ Полянѣхъ, и пойде изъ Новагорода воевати, и налѣзоста Днѣпръ рѣку и пріидоста подъ Смоленескъ, и сташа выше города, и шатры изставиша многи различны цвѣты. Увѣдавше же Смольняне, и изыдоша старѣйшины ихъ къ шатромъ, и спросиша единаго человѣка: Кто сей пріиде? Царь ли, или князь въ велицей славѣ? И изыде изъ шатра Олегъ, имый на рукахъ у себя Игоря, и рече Смоляномъ: сей есть Игорь Князь Рюриковичь Русскій. И нарекоша его Смоляне государемъ; и вдася весь градъ за Игоря. И посади въ немъ намѣстники своя, а самъ пойде по Днѣпру внизъ,

и Диръ пришли къ Олегу въ лодью и были убиты воинами скрытыми въ лодьѣ. Послѣ чего Олегъ занялъ Кіевъ и началъ тамъ княжить. Разсказъ лѣтописи о дѣйствіяхъ Олега прямо говоритъ, что онъ съ своими силами нерѣшился вступить въ открытую борьбу съ Аскольдомъ и Диромъ, слѣдовательно небылъ увѣренъ въ побѣдѣ и и нещиталъ своихъ силъ довольно достаточными для битвы съ такими отчаянными храбрецами, каковы были Аскольдъ и Диръ съ ихъ дружиною повольниковъ; въ противномъ случаѣ онъ не сталъ бы хитрить, а подошелъ бы прямо къ Кіеву съ своею дружиною, точно также какъ и къ Любечу. Хитрость Олегова разсказанная лѣтописцемъ имѣетъ важное значеніе для историка: она во 1-хъ, свидѣтельствуетъ, что Олегъ, такъ сказать, наткнулся на Аскольда и Дира нечаянно вовсе не готовый къ открытой борьбѣ; во 2-хъ, она указываетъ, что Новгородскіе и Варяжскіе гости часто спускались по Днѣпру къ Константинополю, что эта дорога была обычнымъ торговымъ путемъ Новгородцовъ, что Новгородъ въ это время велъ довольно дѣятельную торговлю съ Греками; и что сами Князья принимали въ ней участіе; ибо Олегъ прямо извѣщаетъ Аскольда и Дира: «яко гость есмь, идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря Княжича.» А естественно что въ настоящемъ случаѣ для приглашенія Аскольда и Дира ему нужно было придумать самый обыкновенный предлогъ, чтобы неподать имъ какого либо подозрѣнія нащетъ себя; въ 3-хъ, наконецъ эта же хитрость показываетъ, что Аскольдъ и Диръ, засѣвши въ Кіевѣ непрерывали тѣснаго знакомства съ Варягами и Новгородцами, неопускали случаевъ видаться и разговаривать съ проѣзжающими Новгородскими и Варяжскими купцами; что они держались въ Кіевѣ собственно только наплывомъ къ нимъ Новгородскихъ и Варяжскихъ пришельцовъ повольниковъ, которые по тогдашнему обычаю могли пріѣзжать вмѣстѣ съ купцами; слѣдовательно небыли полными владѣльцами Кіевскаго приднѣпровья и неимѣли крѣпкихъ связей съ туземнымъ народонаселеніемъ. Въ противномъ случаѣ Олегъ назвавши себя Новгородскимъ гостемъ идущимъ въ Грецію, нерѣшился бы приглашать ихъ въ такихъ словахъ: «да пріидете къ намъ родомъ своимъ.» Да и Аскольдъ и Диръ не пошли бы на такое приглашеніе, а скорѣе бы пригласили пріѣзжаго гостя къ себѣ

Самая легкость занятія Кіева по убіеніи Аскольда и Дира свидѣтельствуетъ, что сіи предводители повольниковъ, оставались таковыми и въ Кіевѣ, и неимѣли крѣпкихъ связей съ тамошнимъ народонаселеніемъ. Въ лѣтописи сказано: «Аскольдъ и Диръ пріидоста; вы-

ютъ, чтобы дружинники Аскольдовы вышли изъ Кіева при занятіи его Олегомъ; а напротивъ послѣдующія дѣйствія Олеговы прямо указываютъ, что Олегъ усилилъ себя Аскольдовою дружиною; ибо до убіенія Аскольда и Дира онъ нерѣшался даже вступить въ открытую борьбу съ ними, а по смерти ихъ вдругъ объявилъ Кіевъ матерію городовъ Рускихъ, поселился въ немъ и началъ дѣлать походы во всѣ стороны.

Смерть Аскольда и Дира, занятіе Кіева и присоединеніе Аскольдовыхъ повольниковъ къ дружинѣ Олеговой совершенно измѣнили отношенія Олега къ Новугороду. Лѣтопись говоритъ: «Сѣде Олегъ княжа въ Кіевѣ, и рече Олегъ: «се буди мати градомъ Рускимъ.» Бѣша у него Варяги и Словѣни, и прочи прозвашася Русью. Се же Олегъ нача городы ставити, и устави дани Словѣномъ, Кривичемъ и Мери; и устави Варягомъ дань даяти отъ Новгорода гривенъ 300 на лѣто, мира дѣля, еже до смерти Ярославлѣ даяше Варягомъ.»[46] Такимъ образомъ изъ настоящаго свидѣтельства лѣтописи мы видимъ, что Олегъ по занятіи Кіева изъ Скандинавскаго Конунга, какимъ онъ былъ, по примѣру Рюрика, въ Новгородѣ, сдѣлался самостоятельнымъ владѣтелемъ покореннаго имъ Приднѣпровья, и Приднѣпровскій Кіевъ объявилъ своимъ стольнымъ городомъ, и назвалъ матерію городовъ Русскихъ, причемъ имя Руси отъ Новгорода перенеслось на на Приднѣпровскій край. Новгородцамъ послѣ этаго нечего уже было ждать его возвращенія въ Новгородъ; имъ оставалось одно изъ двухъ: искать новаго Князя или вступить въ новыя отношенія къ Олегу; они какъ должно полагать по ходу дѣлъ рѣшились на послѣднее. И сіи новыя отношенія для Олега были весьма важны, сдѣлавшись самостоятельнымъ владѣтелемъ Приднѣпровья онъ пересталъ уже зависѣть отъ Новгородской общины, а между тѣмъ по прежнему остался непосредственнымъ владѣтелемъ всѣхъ тѣхъ земель, которыя были уступлены Новгородцами Рюрику, не потерялъ Рюриковыхъ правъ на самый Новгородъ, и даже кажется увеличилъ ихъ обязавши Новгородцовъ каждогодно платить Варягамъ по 300 гривенъ мира дѣля, т. е. за то, что Варяги Олеговы не будутъ тревожить и тѣснить Днѣпровскую торговлю Новгородцовъ; чего конечно они неплатили Рюрику, ибо онъ не владѣлъ Днѣпромъ и немогъ тѣснить ихъ торговли на этомъ пути. Это послѣднее разпоряженіе Олега показываетъ, что Новгородъ и при новыхъ отношеніяхъ къ

[46] Полн. Соб. лѣт. Т. I, стр. 10.

[illegible]

[illegible]

еще Приднѣпровью народа очевидно неимѣло никакого вліянія на владѣнія Олега. Лѣтописецъ говоритъ: «прошли Угры мимо Кіева берегомъ, и перешедши Днѣпръ стояли вежами на горѣ (подъ Кіевомъ), которая съ того времени получила прозваніе Угорскаго. Они очень походили на Половцовъ, и пришли съ востока, и потомъ устрѣмились черезъ великія горы, въ послѣдствіи назвавшіяся Угорскими, и стали воевать съ живущими тамъ Волохами и Словѣнами.»[55] Нѣтъ сомнѣнія, что Угры дѣйствительно мирно прошли Приднѣпровьемъ; ибо преданіе вѣрно очеркнувшее внѣшній видъ ихъ, и даже не забывшее урочища, гдѣ стояли Угорскія вежи подъ Кіевомъ, конечно немогло бы не знать о нападеніи Угровъ и борьбѣ съ ними Олега, ежели бы на самомъ дѣлѣ было что нибудь подобное. Движеніе же Угровъ на западъ именно было около этаго времени и по свидѣтельству другихъ источниковъ Византійскихъ и западныхъ.

По всему вѣроятію къ этому времени можно отнести знакомство Приднѣпровскихъ Руссовъ съ Славянскою грамотою изобрѣтенною Кирилломъ и Меѳодіемъ; ибо Несторъ, упомянувши о движеніи Венгровъ на западъ мимо Кіева, тутъ же разсказываетъ, что Моравскіе Князья Ростиславъ, Святополкъ и Коцелъ отправили посольство къ Греческому Императору Михаилу просить учителей для преложенія священныхъ книгъ на Славянскій языкъ; и что по сей просьбѣ были присланы императоромъ ученые уроженцы Селуня братья Константинъ (въ монашествѣ Кириллъ) и Меѳодій, которые и составили Славянскую азбуку и перевели на Славянскій языкъ Апостолъ, Евангеліе и другія священныя книги. И притомъ замѣчаетъ, что грамота, изобрѣтенная Кирилломъ и Меѳодіемъ для Моравлянъ, есть именно та самая, которая употребляется на Руси и у Дунайскихъ Болгаръ. «Сими бо первое преложены книги Моравѣ, яже прозвася грамота Словеньская, яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ.»[56] Но по другимъ источникамъ извѣстно, что посольство Моравскихъ князей въ Константинополь было отправлено въ 862 году, а въ 898 году не только небыло въ живыхъ Кирилла (который умеръ въ 868 году), но и Меѳодій уже скончался за 13 лѣтъ до этаго года.[57] Слѣдовательно можно предполагать, что Несторъ не почему другому упомянулъ подъ 898 годомъ объ изобрѣтеніи Славянской грамоты,

---

[55] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 10.

[56] Ibid. 11.

[57] Чтен. Общ. Истор. 1846 г. № 4. Стат. Епископа Филарета.

[illegible]

вина и всякія узорочья; и народъ прозвалъ его *вѣщимъ*,[61] т, е. Волхвомъ, вѣдуномъ.

Разсказъ первоначальнаго лѣтописца о походѣ Олеговомъ подъ Константинополь представляетъ много данныхъ, которыя довольно хорошо характеризуютъ состояніе Приднѣпровской Руси при Олегѣ; а по сему здѣсь нелишнимъ будетъ нѣсколько подробный разборъ этого разсказа. Лѣтописецъ начинаетъ тѣмъ, что Олегъ отправляясь въ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, это извѣстіе намекаетъ, что Олегъ и прибывшая съ нимъ Русь находились въ шаткихъ отношеніяхъ къ Приднѣпровью, что Русь держалась тамъ только силою, и неуспѣла еще слиться съ Славянскими племенами тамошняго края, хотя большею частію и подчинила ихъ, въ противномъ случаѣ Олегу слѣдовало бы взять Игоря съ собою въ походъ, ибо Игорю въ это время было никакъ неменѣе 29 лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ бы необходимымъ помощникомъ въ походѣ, какъ главный предводитель войска послѣ Олега. А посему ежели Олегъ невзялъ его въ походъ, то значитъ, что Игорь былъ необходимъ въ Кіевѣ для удержанія Приднѣпровья въ покорности. Это объясненіе лѣтописнаго извѣстія вполнѣ подтверждается всѣми тогдашними обстоятельствами: Русь прибывшая съ Олегомъ жила еще очень недавно въ Приднѣпровьѣ и немогла слить своихъ интересовъ съ интересами туземцовъ, она долго еще отличалась отъ нихъ даже языкомъ (какъ свидѣтельствуютъ Русскія и Славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ записанныя у Константина Порфиророднаго, писавшаго между 949—952 годами); и по сему конечно щиталась пришлымъ а неродственнымъ племенемъ; притомъ же Поляне принявшіе Олега безъ сопротивленія и слѣдовательно болѣе сроднившіеся съ Русью поселившеюся между ними, были очень незначительны и слабы въ сравненіи съ сосѣдними племенами и сами нуждались въ защитѣ; а новые поселенцы изъ разныхъ племенъ посаженные Олегомъ въ построенныхъ имъ городахъ, конечно не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли и на Полянъ, и могли удерживаться въ повиновеніи только силою. Самое исчисленіе племенъ участвовавшихъ въ Олеговомъ походѣ, представленное лѣтописцемъ, показываетъ, что племена сіи еще не составляли одного цѣлаго, что между ними небыло внутренней жизненной связи, и что они участвовали въ походѣ только по принужденію, по требованію внѣшней силы еще не-

---

[61] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 12—13.

сказало бы объ нихъ даже съ диковинными прикрасами, какъ оно разсказало же о необычныхъ успѣхахъ Олега подъ Константинополемъ, заставивши его лодьи идти на парусахъ по сушѣ.

Еще далѣе, при изчисленіи Русскихъ городовъ, на которые Олегъ требовалъ уклады или дани отъ Грековъ, лѣтописецъ неупоминаетъ о Новгородѣ, тогда какъ перечисляетъ и Кіевъ, и Переяславль, и Черниговъ, и Полоцкъ, и Ростовъ и Любечь; это умолчаніе о Новгородѣ ясно свидѣтельствуетъ, что Новгородъ при Олегѣ уже непринадлежалъ къ Русскимъ городамъ. Здѣсь никакъ нельзя согласиться, чтобы лѣтописецъ подразумѣвалъ Новгородъ подъ прочими городами; ибо ни съ чѣмъ несогласно, чтобы преданіе, наименовавши и Ростовъ и Любечь города вовсе не такъ значительные, не именовало Новгорода первоначально пригласившаго Русь и вообще знаменитаго въ то время.

Наконецъ въ настоящемъ разсказѣ лѣтописецъ упоминаетъ о Князьяхъ подчиненныхъ Олегу и сидящихъ по городамъ, на которые Олегъ требовалъ уклады; а изъ прежнихъ разсказовъ лѣтописца мы видѣли, что Рюрикъ и Олегъ сажали по занятымъ ими городамъ своихъ мужей а не Князей; слѣдовательно здѣсь упоминается о племенныхъ князьяхъ, которыхъ по сему Олегъ неистреблялъ въ покоренныхъ имъ племенахъ, но оставлялъ ихъ по прежнему владѣть своими племенами, только съ обязанностію быть въ подчиненіи и зависимости отъ Русскаго Князя, какъ отъ верховнаго Государя всѣхъ покоренныхъ племенъ; ясное указаніе на племенныхъ князей оставленныхъ Олегомъ мы въ послѣдствіи увидимъ въ договорахъ заключенныхъ Олегомъ и Игоремъ съ Греками.

Въ разсказѣ лѣтописца объ Олеговомъ походѣ подъ Царьградъ встрѣчаются два мѣста, которыя съ перваго взгляда кажутся невѣрными или по крайней мѣрѣ темными: во первыхъ лѣтописецъ говоря объ отправленіи Олега въ походъ упоминаетъ о конной рати; «и съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ,» но далѣе нигдѣ не говоритъ о ней; у него Олегъ, два раза требуетъ отъ Грековъ дани на одни только корабли. Это извѣстіе лѣтописца кажется можно объяснить тѣмъ, что конная рать недоходила до Константинополя, а проводивши корабли до моря возвратилась домой. Ежели это предположеніе вѣрно; а въ вѣрности его нѣтъ нужды сомнѣваться, ибо иначе нельзя будетъ объяснить почему Олегъ нетребовалъ дани на конную рать; то слѣдовательно въ низовьяхъ Днѣпра по степямъ жили еще племена враждебныя Олегу, отъ нападенія ко-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

вина и всякія узорочья; и народъ прозвалъ его *вѣщимъ*,[61] т, е. Волхвомъ, вѣдуномъ.

Разсказъ первоначальнаго лѣтописца о походѣ Олеговомъ подъ Константинополь представляетъ много данныхъ, которыя довольно хорошо характеризуютъ состояніе Приднѣпровской Руси при Олегѣ; а по сему здѣсь нелишнимъ будетъ нѣсколько подробный разборъ этого разсказа. Лѣтописецъ начинаетъ тѣмъ, что Олегъ отправляясь въ походъ оставилъ Игоря въ Кіевѣ, это извѣстіе намекаетъ, что Олегъ и прибывшая съ нимъ Русь находились въ шаткихъ отношеніяхъ къ Приднѣпровью, что Русь держалась тамъ только силою, и неуспѣла еще слиться съ Славянскими племенами тамошняго края, хотя большею частію и подчинила ихъ, въ противномъ случаѣ Олегу слѣдовало бы взять Игоря съ собою въ походъ, ибо Игорю въ это время было никакъ неменѣе 29 лѣтъ, слѣдовательно онъ былъ бы необходимымъ помощникомъ въ походѣ, какъ главный предводитель войска послѣ Олега. А посему ежели Олегъ невзялъ его въ походъ, то значитъ, что Игорь былъ необходимъ въ Кіевѣ для удержанія Приднѣпровья въ покорности. Это объясненіе лѣтописнаго извѣстія вполнѣ подтверждается всѣми тогдашними обстоятельствами: Русь прибывшая съ Олегомъ жила еще очень недавно въ Приднѣпровьѣ и немогла слить своихъ интересовъ съ интересами туземцовъ, она долго еще отличалась отъ нихъ даже языкомъ (какъ свидѣтельствуютъ Русскія и Славянскія названія Днѣпровскихъ пороговъ записанныя у Константина Порфиророднаго, писавшаго между 949—952 годами); и по сему конечно щиталась пришлымъ а неродственнымъ племенемъ; притомъ же Поляне принявшіе Олега безъ сопротивленія и слѣдовательно болѣе сроднившіеся съ Русью поселившеюся между ними, были очень незначительны и слабы въ сравненіи съ сосѣдними племенами и сами нуждались въ защитѣ; а новые поселенцы изъ разныхъ племенъ посаженные Олегомъ въ построенныхъ имъ городахъ, конечно не совсѣмъ дружелюбно смотрѣли и на Полянъ, и могли удерживаться въ повиновеніи только силою. Самое изчисленіе племенъ участвовавшихъ въ Олеговомъ походѣ, представленное лѣтописцемъ, показываетъ, что племена сіи еще не составляли одного цѣлаго, что между ними небыло внутренней жизненной связи, и что они участвовали въ походѣ только по принужденію, по требованію внѣшней силы еще не-

[61] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I, стр. 12—13.

[illegible]

сказало бы объ нихъ даже съ диковинными прикрасами, какъ оно разсказало же о необычныхъ успѣхахъ Олега подъ Константинополемъ, заставивши его лодьи идти на парусахъ по сушѣ.

Еще далѣе, при изчисленіи Русскихъ городовъ, на которые Олегъ требовалъ уклады или дани отъ Грековъ, лѣтописецъ неупоминаетъ о Новгородѣ, тогда какъ перечисляетъ и Кіевъ, и Переяславль, и Черниговъ, и Полоцкъ, и Ростовъ и Любечь; это умолчаніе о Новгородѣ ясно свидѣтельствуетъ, что Новгородъ при Олегѣ уже непринадлежалъ къ Русскимъ городамъ. Здѣсь никакъ нельзя согласиться, чтобы лѣтописецъ подразумѣвалъ Новгородъ подъ прочими городами; ибо ни съ чѣмъ несогласно, чтобы преданіе, наименовавши и Ростовъ и Любечь города вовсе не такъ значительные, не наименовало Новгорода первоначально пригласившаго Русь и вообще знаменитаго въ то время.

Наконецъ въ настоящемъ разсказѣ лѣтописецъ упоминаетъ о Князьяхъ подчиненныхъ Олегу и сидящихъ по городамъ, на которые Олегъ требовалъ уклады; а изъ прежнихъ разсказовъ лѣтописца мы видѣли, что Рюрикъ и Олегъ сажали по занятымъ ими городамъ своихъ мужей а не Князей; слѣдовательно здѣсь упоминается о племенныхъ князьяхъ, которыхъ по сему Олегъ неистреблялъ въ покоренныхъ имъ племенахъ, но оставлядъ ихъ по прежнему владѣть своими племенами, только съ обязанностію быть въ подчиненіи и зависимости отъ Русскаго Князя, какъ отъ верховнаго Государя всѣхъ покоренныхъ племенъ; ясное указаніе на племенныхъ князей оставленныхъ Олегомъ мы въ послѣдствіи увидимъ въ договорахъ заключенныхъ Олегомъ и Игоремъ съ Греками.

Въ разсказѣ лѣтописца объ Олеговомъ походѣ подъ Царьградъ встрѣчаются два мѣста, которыя съ перваго взгляда кажутся невѣрными или по крайней мѣрѣ темными: во первыхъ лѣтописецъ говоря объ отправленіи Олега въ походъ упоминаетъ о конной рати; «и съ сѣми всѣми поиде Олегъ на конѣхъ и въ кораблѣхъ,» но далѣе нигдѣ не говоритъ о ней; у него Олегъ, два раза требуетъ отъ Грековъ дани на одни только корабли. Это извѣстіе лѣтописца кажется можно объяснить тѣмъ, что конная рать недоходила до Константинополя, а проводивши корабли до моря возвратилась домой. Ежели это предположеніе вѣрно; а въ вѣрности его нѣтъ нужды сомнѣваться, ибо иначе нельзя будетъ объяснить почему Олегъ нетребовалъ дани на конную рать; то слѣдовательно въ низовьяхъ Днѣпра по степямъ жили еще племена враждебныя Олегу, отъ нападенія ко-

ными условіями для отстраненія столкновеній и недоумѣній въ сношеніяхъ Руси съ Греками. Для заключенія этого договора были отправлены Олеговы мужи: Карлы, Инегельдъ, Фарлофъ, Веремудъ, или по другимъ спискамъ Велмудръ [64] Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелавъ, Рюаръ, или по другимъ спискамъ Руаръ,[65] Руалъ,[66] Риаръ,[67] Актеву, Труанъ, и Трианъ, или Труатъ, [68] Лидуль Фостъ и Стемидъ или Стемиръ и заключили слѣдующій мирный договоръ. [69]

одномъ Хронографѣ (рукопись XVI вѣка). Гдѣ о семъ разсказѣ сказано: «Сіе пишетъ о немъ въ Греческомъ лѣтописцы.» (Погодинск. библіотека.)

[64] Воскрес. лѣт. Т. I, стр. 82.

[65] Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.

[66] Радзив. стр. 27.

[67] Ник. I, стр. 31.

[68] Ibid. и Воскрес. I, стр. 82.

[69] Имена сіи имѣютъ большое значеніе для историка, они показываютъ кѣмъ былъ окруженъ Олегъ, изъ какого народа преимущественно состояла его дружина особенно старшая, приближеннѣйшіе къ нему мужи. Въ приведенныхъ именахъ звучатъ по Славянски только Стемидъ или Стемиръ, и Карнъ, остальные всѣ чисто Скандинавскія, такъ что почти каждое изъ нихъ мы найдемъ въ Исландскихъ сагахъ, иныя безъ измѣненія звуковъ, а иныя съ небольшимъ измѣненіемъ. Такъ лѣтописному имени *Карлы* Сага Олава святаго представляетъ двойника *Karli*, уроженца изъ Галогіи, вмѣстѣ съ Тороромъ и Гуннстейномъ ограбившаго храмъ Юмалы Біармійскаго (Antiq. Russ. T. I, стр. 333, 453); лѣтописному *Инегельду* соотвѣтствуетъ въ Сагахъ Ingjaldr, упоминаемый въ сагѣ Орвародда (ibid. 93) въ параллель съ *Веремудомъ* и даже *Велмудомъ* въ сагахъ встрѣчается *Veremundr* мудрый, дальній предокъ Сигурда Ринга (ibid. 220), и *Vilmundr* упоминаемый въ мифологическо-исторической поемѣ Oddrúnargrátr (ibid. 33). *Рулаву* соотвѣтствуетъ Hrólfr нерѣдко упоминаемый въ Скандинавскихъ сагахъ; *Гуды* имѣетъ себѣ подобнаго въ числѣ богатырей сопровождавшихъ Сигурда Ринга въ Бравальскомъ бою, Guði tollus (ibid. 80). *Руалду* отвѣчаетъ также Ринговъ богатырь Hróalde (ibid. 82); *Фрелаву* отецъ Одина Frjálafr, или по другимъ чтеніямъ Freáláf, и Frelaf (ibid. 46). *Руару* или *Риару* можетъ быть Hrejðarr въ сагѣ Орвародда (ibid. 93); *Актеву* можетъ быть Agdi (ibid. 217). *Труану* или *Триану* можетъ быть Þorri (ibid. 215) и Þorrir (ibid. 334.) Фарлофу по свидѣтельству Скандинавскихъ надписей снятыхъ Вереліемъ, является двойникъ Фарулфъ. *Лидуль* можетъ быть Скандинавскее Loðl, (сынъ Гальфдана древняго.) *Фастъ* или *Фостъ* также Скандинавское имя. Такимъ образомъ изъ четыр-

[illegible]

За вступленіемъ слѣдуетъ переходъ къ статьямъ договора:

«Суть, яко понеже мы ся имали по Божіи вѣрѣ, о любви главы таковы.»

Вотъ главы о любви, которыя мы взялись исполнять по Божіей вѣрѣ.

реводили всегда будетъ ереводъ теменъ и неправиленъ, всегда останется нѣсколько словъ какъ бы неотносящихся къ дѣлу или лишнихъ; но на самомъ дѣлѣ составитель подлинника не сказалъ ни одного лишняго слова, а только по неопытности неумѣлъ совладѣть съ кучею связанныхъ предложеній, находившихся можетъ быть въ Греческомъ оригиналѣ договора, и разставилъ имъ безъ связи и тѣмъ затемнилъ свое изложеніе до крайности, такъ что держась его порядка словъ, при переводѣ приходилось бы выпускать цѣлыя предложенія. Въ словосочиненіи въ соединеніи и разстановкѣ предложеній составитель, привыкшій выражаться изустно краткими предложиніями, рѣшительно разтерялся, когда ему пришлось излагать мысли на письмѣ, гдѣ понадобилось связывать и располагать нѣсколько предложеній зависящихъ одно отъ другаго, и взаимно другъ друга опредѣляющихъ и дополняющихъ, особенно при переводѣ съ Греческаго языка, который былъ ему извѣстенъ по изустнымъ разговорамъ съ Греками, не простиравшимся далѣе простыхъ и отрывочныхъ выраженій необходимыхъ при торговыхъ и житейскихъ сношеніяхъ. А посему онъ и на письмѣ неизмѣнилъ своему изустному образу изложенія, каждое предложеніе понималъ и переводилъ отдѣльно и ставилъ въ томъ порядкѣ въ какомъ находилъ его въ Греческомъ подлинникѣ, не заботясь о томъ у мѣста ли оно, и можетъ ли дополнять и опредѣлять другое предложеніе съ которымъ оно находится въ неразрывной связи по смыслу. Отъ этаго у него и вышли многія неправильности. Такъ онъ зналъ что можно сказать: *извѣстить удержать любовь*; при томъ же видѣлъ что по Гречески *ἀγάπη* стояло въ винительоомъ падежѣ, ибо зависѣло отъ неопредѣленнаго наклоненія съ членомъ; и по неопытности нерѣшился или просто недогадался измѣнить винительный падежъ *любовь* въ родительный, когда вмѣсто неопредѣленнаго *извѣстить* и *удержать* ему понадобилось поставить управляющимъ словомъ имена *извѣщеніе удержаніе*. Слѣдующее за симъ выраженіе: «похотеньемъ нашихъ князь, и по повелѣнью и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его сущихъ Руси.» вѣроятно составителемъ было написано правильно, и искажено только позднѣйшимъ перепещикомъ, который пропустилъ слова: «свѣтлаго Князя нашего,» составителемъ было написано: «похотеньемъ нашихъ князь и по повелѣнью свѣтлаго князя нашего, и отъ всѣхъ иже суть подъ рукою его

[illegible]

[illegible]

губилъ. Аще вѣдасть руцѣ украдый, да ятъ будетъ тѣмъ же, у него же будетъ украдено, и связанъ будетъ, и отдастъ то, еже емѣ створить, и створитъ трижды о семъ. Аще ли кто, или Русинъ Хрестьяну, или Хрестьянъ Русину, мученія образомъ искусъ творити (будетъ) и насилье явѣ, или вземетъ что любо дружне, да въспятитъ трончь.»

тянетъ руки, чтобы его взялъ тотъ, у кого онъ укралъ, и будетъ связанъ; то долженъ отдать и то что укралъ, и сверхъ того заплатить тройную цѣну украденнаго. Но ежели кто, Русинъ ли у Христіанина или Христіанинъ у Русина, будетъ дѣлать обыскъ съ притѣсненіемъ и явнымъ насиліемъ, или возметъ что либо у другаго, да возвратитъ втрое.

Шестая статья договора.

«Аще вывержена будетъ лодья вѣтромъ великомъ на землю чюжю, и обрящются тамо иже отъ насъ Руси, да еще кто идетъ, снабдети лодью съ рухломъ своимъ и отсылати пакы на землю Крестьянску, да проводимъ ю сквозѣ всяко страшно мѣсто, дондеже придетъ въ безстрашно мѣсто. Аще ли таковая лодья, ли отъ буря, ли бороненія земнаго бороними, не можетъ възборонитися въ своя си мѣста, спотружаемся гребцемъ тоя лодья мы Русь и да провадимъ съ куплею ихъ по здорову, ти аще ключиться близъ земли Грецкы; аще ли ключиться тако же проказа лодьи (близъ земли) Рустѣй, да проводимъ ю

Ежели большимъ вѣтромъ выкинетъ лодью на чужую землю, и тамъ случится кто нибудь изъ насъ Руси, ежели кто идетъ (въ Грецію), тому охранять лодью съ ея товаромъ, и отвести въ землю Христіанскую; да проводимъ ее сквозь всякое опасное мѣсто, пока она непридетъ въ мѣсто безопасное. А ежели таковая лодья отъ бури или сѣвши на мель[71] не можетъ добраться до своего мѣста; то мы Русь да поможемъ гребцамъ той лодьи, и проводимъ ихъ и съ товаромъ по здорову, ежели это будетъ близь Греческой земли; а ежели таковое нещастіе случится близь Руской земли, то проводимъ лодью въ Рус-

[71] Здѣсь слово *бороненье* земное я перевелъ словомъ мель, потому что и теперь еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Руси отмели и пороги называются переборами (Област. Слов. стр. 155) а въ XII вѣкѣ мы встрѣчаемъ слова *забрало* и *оборонь* въ значеніи насыпи. Такъ въ словѣ о полку Игоревѣ: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ,» а въ лѣтописи одно укрѣпленіе называется «Оборонь княжъ.»

[illegible]

[illegible]

кимъ языкомъ говорили Олеговы современники въ Приднѣпровьѣ, какъ выражали свои понятія тогдашніе Рускіе люди, и слѣдовательно какъ

женіе о передѣлкѣ языка лѣтописцемъ неимѣетъ для себя никакой поддержки. Но не таково предположеніе о составленіи или переводѣ (съ Греческаго) договоровъ Болгариномъ; за него стоятъ во первыхъ извѣстія Греческихъ Лѣтописцевъ, что Болгары служивали при Византійскомъ дворѣ, слѣдовательно Греческое правительство скорѣе всего могло поручить переводъ договоровъ на Славянскій языкъ своему чиновнику изъ Болгаровъ; во 2-хъ при современникѣ Олеговомъ Болгарскомъ царѣ Симеонѣ книголюбцѣ много уже книгъ переводилось Болгарами съ Греческаго языка на Славянскій, слѣдовательно Болгары въ это время были лучшими и обычными переводчиками и писателями на Славянскомъ языкѣ, каковыми вовсе небыли въ то время Славяне Приднѣпровскіе; и въ 3-хъ наконецъ позднѣйшіе ученые изслѣдователи, пользующіеся заслуженнымъ авторитетомъ, находятъ въ языкѣ Олегова договора частые Болгаризмы, и прямо приписываютъ Болгарину переводъ Олегова договора съ Греческаго языка на Славянскій. Всѣ сіи доказательства въ пользу перевода договора Болгариномъ съ перваго взгляда очень сильны; но тѣмъ менѣе предположеніе о Болгарскомъ переводчикѣ или составителѣ договора при внимательномъ изслѣдованіи дѣла неможетъ быть принято нетолько за истинное но даже и за правдоподобное. Во 1-хъ ежели Греки охотнѣе могли поручить переводъ, или составленіе договора на Славянскомъ языкѣ, Болгарамъ состоящимъ въ ихъ службѣ, то конечно Рускіе менѣе могли довѣрять Греческимъ чиновникамъ въ этомъ дѣлѣ, и скорѣе должны были поручить его своимъ, тѣмъ болѣе что между самыми послами были Славяне, какъ можно заключить по именамъ нѣкоторыхъ пословъ; а переводъ договоровъ или составленіе ихъ на Славянскомъ языкѣ нужны были не для Грековъ, а для Руссовъ; слѣдовательно, кому поручить это дѣло, рѣшительно принадлежало Рускимъ а не Грекамъ. Притомъ по прямому свидѣтельству нашего лѣтописца, самая мысль составить договоры принадлежитъ не Грекамъ а Олегу; ибо лѣтопись говоритъ: «посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью.» (Полн. Собр. Рус. лѣт. Т. I. стр. 13.) слѣдовательно Рускіе здѣсь были главными хозяевами дѣла. Вопросъ о томъ, могли ли Рускіе переводить съ Греческаго языка, знали ли они по Гречески? кажется разрѣшается самъ собою, и самыми договорами Олега; по свидѣтельству договоровъ, Рускіе часто ѣздили въ Константинополь, дѣятельно торговали съ Греками, и жили между ними по долгу, даже находились иные въ службѣ у Константинопольскихъ Императоровъ, слѣдовательно необходимо должны бы-

а другія побужденія, и именно торговля, какъ доказываетъ содержаніе договора. И такъ мы здѣсь видимъ, что торговля для Олеговыхъ Руссовъ была однимъ изъ главныхъ занятій жизни, они понимали важность торговли и дорожили ею, — искали болѣе вѣрныхъ средствъ для ее обезпеченія; и заботились объ этомъ кажется частныя лица и можетъ быть частныя торговыя общества, какъ свидѣтельствуютъ сами Олеговы послы, говоря «наша свѣтлость болѣе другихъ желая удержать любовь между Христіанами и Русью, многократно заключаемую только на словахъ, разсудили за лучшее утвердить ее писаніемъ и клятвою.» Сіи слова пословъ ясно говорятъ, что искали мира преимущественно извѣстныя частныя лица, именно тѣ которые правили посольство къ Византійскимъ Императорамъ; а между посланниками мы видимъ и Скандинавовъ и Славянъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ имена; слѣдовательно и Скандинавы и Славяне вели торговлю съ Византіею и дорожили ею. Такимъ образомъ въ Олеговыхъ послахъ мы видимъ дѣятельныхъ и предпріимчивыхъ торговцевъ нарочно ѣздившихъ въ Византію, чтобы заключить договоръ съ Греками по преимуществу торговый, въ которомъ главная забота состоитъ въ обезпеченіи и опредѣленіи правъ Греко-Руской торговли. Въ договорѣ нѣтъ ни слова ни о дани, ни объ укладахъ ни о какихъ либо преимуществахъ Руссовъ пріѣзжающихъ въ Грецію. Статьи договора преимущественно говорятъ объ опредѣленіи мирныхъ безъобидныхъ отношеній между Греками и пріѣзжающими къ нимъ Руссами, объ устраненіи поводовъ къ ссорамъ, и именно къ такимъ ссорамъ, которыя бываютъ между людьми находящимися въ близкихъ и частыхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ, объ охраненіи имуществъ, о взаимномъ вспомоществованіи мореходцовъ Греческихъ и Рускихъ и о свободной продажѣ привозимыхъ товаровъ. Все это указываетъ на частыя сношенія Руссовъ съ Греками, и притомъ на такія сношенія, которыми Руссы дорожили, и для поддержанія которыхъ нетребовали себѣ никакихъ преимуществъ, искали только правды и безъобидности, какъ бы опасаясь, что бы Греки въ противномъ случаѣ неотказались отъ сношеній съ Руссами, перестали ѣздить къ нимъ и пускать ихъ къ себѣ.

Для историка особенно драгоцѣнны тѣ статьи договора, которыми обезпечиваются взаимныя безобидныя юридическія отношеня Грековъ къ Руссамъ, относящіяся собственно къ частному праву; въ нихъ онъ находитъ прямое и ясное свидѣтельство о внутреннемъ устройствѣ Русскаго Общества въ то время; ибо естественно что сіи статьи договора заимствованы и изъ Рускаго и изъ Византійскаго

[illegible]

довольствующійся фактомъ и неспрашивающій о намѣреніи. Но вторая половина статьи явно принадлежитъ Византійцамъ, которые по своимъ понятіямъ о правѣ немогли довольствоваться *однимъ поличнымъ*; и по сему включили возможность допускать споръ и противъ поличнаго, но съ тѣмъ чтобы свидѣтельствующій противъ поличнаго, прежде всего далъ клятву въ справедливости своего свидѣтельства, и въ случаѣ ложности клятвы подвергался наказанію. Всѣ сіи предосторожности и формы при допущеніи свидѣтельствъ противъ поличнаго, явно принадлежатъ Римскому праву, гдѣ читаемъ: «Iurisjurandi religione testes prius, quam perhibeant testimonium, jamdudum arctari praecepimus, et ut honestioribus potius testibus fides adhibeatur. [76] Тамъ же находимъ и наказаніе за ложную клятву, какъ и въ статьѣ договора: «Ежели кто будетъ свидѣтельствовать ложно, то вопервыхъ судится какъ клятвопреступникъ, и потомъ какъ ложный свидѣтель; а ежели ложность свидѣтельства будетъ замѣчена въ самое время свидѣтельствованія, то подвергается пыткѣ. Тотъ же кто отъ ложнаго свидѣтельства потерпитъ вредъ, ежели захочетъ вести дѣло противъ ложнаго свидѣтеля, то весь убытокъ имъ потерпенный переводится на свидѣтеля, который сверхъ того подвергается наказанію опредѣленному законами. «[77] Такимъ образомъ изъ разбора сей статьи мы видимъ, что въ Олегово время на Руси дѣйствовала не одна личная месть, какъ это бываетъ въ обществахъ первобытныхъ, но допускался и судъ въ которомъ поличное щиталось главнымъ и единственнымъ доказательствомъ; что явно свидѣтельствуетъ о степени развитія Русскаго общества при Олегѣ.

Слѣдующая статья договора говоритъ о казни убійцы. «Убьетъ ли Русинъ Христьянина, или Христіанинъ Русина, да умретъ тамъ же, гдѣ учинилъ убійство. Ежели же убѣжитъ учинившій убійство, и ежели онъ имѣетъ достатокъ, со часть его, т. е. что ему принадлежитъ по закону, да возметъ ближній убіеннаго; но и жена убившаго да удержитъ то лицемъ, что ей принадлежитъ по закону. Еже-

[76] Corpus juris. Sectio II. pag. 134.

[77] Ibid. «Ὁ τὰ ψευδῆ μαρτυρήσας πρότερον μὲν ἐπιορκεῖ, δεύτερον δὲ ὡς πλαστογράφος ἐνάγεται, καὶ ἐν αὐτῷ δὲ τῷ καιρῷ τῆς μαρτυρίας ὑπονοηθεὶς ψεύδασθαι βασάνοις ὑπόκειται. Εἰ δὲ βουληθῇ ὁ ἐκ τῆς ψεύδους μαρτυρίας καταδικασθεὶς πολιτικῶς κινῆσαι κατὰ τοῦ ψευδομαρτυρήσαντος, λήψεται παρ᾽ αὐτοῦ πᾶσαν, ἣν ὑπέστη, ζημίαν, πρὸς τῷ καὶ τὴν ἀπὸ τῶν νόμων ὡρισμένην τιμωρίαν ὑφίστασθαι. (Cod. Lib. IV. Tit. XX, num XXIII.)

[illegible]

[illegible]

отъ законъ выраженъ близко къ статьѣ договора, тамъ сказано: Si inquirentes violenter et nullo jure et aliter, quam hic praescribitur ese gesserint, proscriptionis tenentur, modo nihil ibi intus invenerint, nec herus furti convincatur, sin minus, impune fiat.» (Gràgàs sestio VIII. Tit. C. X. VIII).

Въ девятой статьѣ сказано, что плѣнники, приводимые въ Русь а продажу, продаются по 20 златницъ и свободно отпускаются въ рецію. Эта статья очевидно составлена подъ вліяніемъ Римскаго рава, по которому законная цѣна невольника полагалась въ 20 содовъ,[87] что почти тоже значило, что и двадцать златницъ, ибо та и другая монета была золотая, и заключала въ себѣ 25 деаріевъ.

Десятая статья договора также составлена подъ вліяніемъ Римскаго права. Въ ней сказано: «Ежели невольникъ принадлежащій Руину будетъ украденъ, или проданъ насильно, или самъ уйдетъ, и жели Русинъ начнетъ на это жаловаться; то справедливость жалобы долженъ подтвердить самъ невольникъ, и тогда дозволяется взять го въ Русь.» Это требованіе, чтобы невольникъ самъ объявилъ, принадлежитъ ли онъ истцу, по всему вѣроятію основано на извѣстныхъ статьяхъ Римскаго права, именно требующихъ, что бы бѣглые невольники спрашивались: кому они принадлежатъ,[88] и почему въ бѣгахъ живутъ у того хозяина, у котораго оказались по сыску.[89] Впрочемъ и въ Руской правдѣ есть указанія, что невольники въ случаѣ редъявленія на нихъ иска также спрашивались, отъ кого и какъ они перешли къ хозяину, у котораго оспориваетъ ихъ истецъ; именно въ статьѣ о челядинѣ сказано: «Аще кто познаетъ челядинъ свой краденъ, а поиметъ и, то оному вести по кунамъ и до третьяго

---

[87] Cod. L. VI. Tit. I. «Qvicunque fugitivum seruum in domum vel in agrum inscio domino ejus suscepit, eum cum alio pari vel viginti solidis reddat.»

[88] Cod. L. VI. Tit. I. § VI. «Cum servum quispiam repetit fugitiuum, et alius evitandae legis gratia, quae in occultantes mancipia certam paenam statuit, proprietatem apponit; vel in vocem libertatis eum animadvertit, illico nequissimus verbera, super quo ambigitur, tormentis subijciatur, ut aperta veritate disceptationis terminus fiat.»

[89] Ibid. § IV. «Sane mancipium torqueri oportet, ut manifestetur, utrum propter lucrum capiendum callide a domino ad domum vel ad agrum ejus, qui eum suscepit, missus fit, an non.»

ѣ. Такъ въ этой статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что имуще-
о составляло собственность лица а не рода, что владѣлецъ или
яинъ имущества не только могъ свободно распоряжаться имъ при
зни, до даже имѣть право писать завѣщаніе съ назначеніемъ на-
дника имуществу на случай своей смерти; и законъ признавалъ
овое завѣщаніе обязательнымъ. Въ этой же статьѣ есть указаніе
на права личныя вытекающія изъ отношеній лицъ другъ къ дру-
здѣсь именно указывается на родственныя отношенія, которыми
же условливались права на имущество; статья говоритъ о правѣ
лѣдованія родственниками, въ случаѣ ежели хозяинъ имущества
ръ не назначивъ наслѣдника завѣщаніемъ. Слѣдовательно въ тог-
шнемъ Рускомъ обществѣ тѣ или другія отношенія лицъ другъ къ
ту имѣли обязательную силу, и влекли за собою извѣстныя пра-
на имущество, и права сіи были подъ охраненіемъ закона.

Теперь обратимся къ тѣмъ статьямъ договора, въ которыхъ есть ука-
іе на права лицъ вытекающія изъ отношеній къ самому обществу.
ись самыя важныя указанія мы встрѣчаемъ въ вступленіи и пер-
статьѣ договора; именно вступленіе указываетъ намъ на вер-
наго властителя Руси, Великаго Князя, на князей его подручни-
въ, вѣроятно княжившихъ надъ разными племенами подчиненными
гу, на свѣтлыхъ бояръ и на всю Русь подвластную Великому Кня-
; первая статья также говоритъ о князьяхъ, которыхъ называетъ
тлыми и властителями народа; и далѣе десятая статья упоминаетъ
остяхъ, и о рабахъ. Такимъ образомъ изъ сихъ упоминаній мы ви-
ть, что по отношенію къ обществу были особыя права верхов-
о властителя Руси, Великаго Князя, потомъ особыя права власти-
ей надъ племенами подчиненными Великому Князю, особыя права
ръ, высшаго класса подданныхъ, носившихъ названіе свѣтлыхъ
ръ, особыя права гостей, и наконецъ особыя права вообще всѣхъ
бодныхъ людей принадлежащихъ къ Рускому обществу, и права
ольниковъ или рабовъ. Въ договорѣ Олеговомъ конечно мы нена-
имъ полнаго опредѣленія правъ того или другаго класса членовъ
дашняго Рускаго общества; но уже самое различіе наименованій при-
енныхъ каждому классу намекаетъ на различіе правъ, ибо ежели
языкѣ образовались различныя наимѣнованія, то это уже есть
ый признакъ различія въ значеніи и правахъ; безъ идеи безъ пред-
та въ языкѣ неможетъ образоваться словъ или выраженій, которые
гда являются только какъ послѣдствія какъ изображенія идей на-
родъ уже составленныхъ умомъ и вытекшихъ изъ жизни. Впрочемъ

[illegible]

Разсмотрѣвши Олеговъ договоръ по всѣмъ отношеніямъ, теперь слѣдуетъ перейти къ послѣдующимъ событіямъ Олегова времени. Лѣтописецъ говоритъ, что Византійскій Императоръ Левъ почтилъ Рускихъ пословъ дарами: золотомъ, драгоцѣнными тканями и одеждами, приставилъ своихъ чиновниковъ показать имъ церковныя украшенія, золотыя палаты и хранящіяся въ нихъ богатства множество золота, дорогія ткани, драгоцѣнные камни, страсти господни, (т. е. вѣнецъ терновый, гвозди и багряную хламиду), а также мощи святыхъ, желая такимъ образомъ научить пословъ своей вѣрѣ; и потомъ съ великою честію отпустилъ ихъ домой. Послы возвратившись къ Олегу разсказали ему всѣ разговоры свои съ Императоромъ Византійскимъ, и какъ заключили миръ, какія утвердили условія между Рускою и Греческою землею, и какъ обѣ договаривающіяся стороны клялись ненарушать договора.

Осенью 912 года Олегъ скончался ужаленный зміею на могилѣ любимаго коня. Вотъ преданіе объ Олеговой кончинѣ сохраненное лѣтописцемъ. «И жилъ Олегъ въ мирѣ со всѣми странами, княжа въ Кіевѣ. И настала осень, и вспомнилъ Олегъ про своего коня, котораго поставилъ кормить, и на которомъ давно уже неѣздилъ. Потому что прежде когда то онъ спросилъ у волхвовъ и кудесниковъ отъ чего мнѣ умереть? и одинъ кудесникъ сказалъ ему: «князь! тебѣ умереть отъ коня на которомъ ты ѣдишь и котораго любишь.» Олегъ подумалъ объ этомъ и сказалъ: «никогдаже несяду на этаго коня и неувижу его болѣе, и приказалъ кормить его и не подводить къ себѣ. И такъ прошло нѣсколько лѣтъ, конь оставался безъ дѣла, Олегъ сходилъ уже въ Грецію, воротился въ Кіевъ, прожилъ еще четыре года, а на пятомъ вспомнилъ о конѣ, отъ котораго волхвы обрекли умереть ему, и призвавъ старѣйшину конюховъ, спросилъ: гдѣ конь, котораго я поставилъ на кормъ и приказалъ беречь? старѣйшина отвѣчалъ: «конь умеръ.» Олегъ засмѣялся и въ укоризну кудеснику сказалъ; «что ни говорятъ эти волхвы, все пустяки и ложь; конь умеръ, а я живъ.» И приказалъ осѣдлать себѣ коня, и пріѣхавъ на мѣсто гдѣ лежали голые конскіе кости и черепъ, слезъ съ коня, и ступивши ногою на черепъ, съ насмѣшкою сказалъ: «отъ сего ли лба умереть мнѣ?» въ это время змія выползла изъ конскаго черепа и укусила Олега въ ногу. Отъ этаго Олегъ разболѣлся и умеръ.» Далѣе лѣтописецъ продолжаетъ. «И плакали всѣ люди великимъ плачемъ по Олегѣ, и понесли его, и похоронили на горѣ, что на-

[illegible]

Это чисто Руское преданіе, неимѣющее никакой книжной примѣси; изъ сего мы видимъ, что лѣтописецъ неотыскалъ у Византійцовъ извѣстій о семъ походѣ, иначе бы онъ не опустилъ случая позаимствоваться тамошними подробностями, какъ сдѣлалъ при описаніи перваго похода. Мы также неимѣемъ извѣстій объ этомъ походѣ у Византійскихъ писателей; слѣдовательно почти можемъ сказать, что никто изъ Византійцевъ и неупомналъ о немъ, да и на самомъ дѣлѣ Византійцу здѣсь не о чемъ было упоминать, ибо собственно до Византійскихъ владѣній на этотъ разъ Игорь и недоходилъ, и поворотилъ домой отъ Дуная, т. е. отъ границъ Болгарскихъ; дѣло все кончилось незначительнымъ посольствомъ Императорскимъ и подарками, важными для Игоря и его дружины, но обыкновенными для Византійскаго двора, т. е. нѣсколькими мѣшками золотыхъ солидовъ и нѣсколькими партіями шелковыхъ тканей дорогихъ и блѣстящихъ для Игоревой дружины, но по Византійски очень обыкновенныхъ, таковые или подобные подарки Византійскіе Императоры ежегодно посылали къ инымъ сосѣднимъ варварамъ, какъ напримѣръ Константинъ Порфирородный говоритъ, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіею, о Печенѣгахъ. И заносить въ хроники всѣ таковыя траты двора Византійскіе Хронисты неимѣли ни возможности ни надобности, ибо иначе имъ пришлошь бы въ свои хроники переписывать каждогодно чуть не цѣликомъ разходныя книги Императорскаго казначея. Слѣдовательно молчаніе Византійскихъ писателей о второмъ Игоревомъ походѣ нисколько не наводитъ сомнѣнія на достовѣрность народнаго преданія записаннаго нашимъ лѣтописцомъ. Преданіе же сіе представляетъ намъ нѣсколько замѣчательныхъ данныхъ о внутреннемъ состояніи тогдашней Приднѣпровской Руси, которые невольно обращаютъ на себя вниманіе историка.

Преданіе говоритъ, что Игорь совокупилъ вои многи Варяговъ, Русь, Полянъ, Словѣнъ, Кривичей и Тиверцовъ. Подъ Варягами, конечно, здѣсь разумѣются Варяги заморскіе жившіе въ Скандинавіи, къ которымъ, какъ выше сказано, посылалъ Игорь за море вабя è на Греки; въ Скандинавіи Игорь не владѣлъ, тамъ были другіе Государи; слѣдовательно могъ приглашать только желающихъ учавствовать въ Греческомъ походѣ, какъ это обыкновенно дѣлали Конунги Скандинавскіе; а въ преданіи употребленъ одинъ глаголъ, *совокупивъ*, и для сбора Варяговъ и для сбора Полянъ, Кривичей и другихъ; слѣдовательно и на дѣлѣ была одинакая форма набора и для Варяговъ

[illegible]

ъ переселѣніямъ, когда Орды Печенѣжскія одна за другой надвинлись къ Русскимъ предѣламъ; усѣвшись же помѣстамъ Печенѣги обходимо должны были утратить большую часть того ужаса, корый они навели было на сосѣдей. Приднѣпровскіе Руссы скоро згадали, что этотъ народъ, столь ужасный своею дикою храброю, несоставлялъ одного цѣлаго, что каждая орда дѣлилась еще на сколько мѣлкихъ улусовъ, изъ которыхъ каждый, имѣя своего язя, дѣйствовалъ отдѣльно и очень слабо соединялся съ главною дою, къ которой принадлежалъ по своему происхожденію. [104] Слѣовательно нѣтъ ничего мудренаго, что Игорь нѣкоторые изъ Печежскихъ улусовъ, можетъ быть ближайшіе къ Русскимъ границамъ, нялъ въ походъ противъ Грековъ, и взялъ у нихъ заложниковъ. звѣстіе о взятіи заложниковъ служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ въ стовѣрности преданія; ибо въ X вѣкѣ точно также Византійцы ыкновенно нанимали Печенѣговъ и брали у нихъ заложниковъ. онстантинъ Порфирородный, современникъ Игоревъ, описываетъ сѣми подробностями этотъ наемъ и принятіе заложниковъ, [105] Выраеніе лѣтописи: «Печенѣги ная и тали у нихъ пря.» свидѣтельствуетъ, го преданіе хорошо знало различіе между наймомъ воиновъ, и привомъ. О Печенѣгахъ оно сказало *ная*, а о Варягахъ Словенахъ и ривичахъ *совокупивъ*; слѣдовательно Варяги и Славяне участвовали въ оходѣ одинаково, именно по призыву, по добровольному приглашенію, не по набору не по приказу; въ противномъ случаѣ преданіе инае бы выразилось о Варягахъ, и инымъ образомъ о Славянахъ, такъ акъ оно выразилось же иначе о Печенѣгахъ. А что извѣстіе о аймѣ Печенѣговъ справедливо, въ этомъ свидѣтельствуетъ Константинъ Порфирородный, который прямо говоритъ, что Руссы обыкновенно стараются привлечь Печенѣговъ къ соучастію въ войнѣ, чтобы такимъ образомъ уклоняться отъ ихъ нападеній, и пользоваться ихъ пособіемъ. [106]

---

[104] Константинъ Порфирородный, въ своей книгѣ объ управленіи Имперіей, именно говоритъ: «Вся Пацинакія дѣлится на 8 ордъ, и имѣетъ столько же главныхъ Князей. Сіи 8 ордъ раздѣляются на 40 улусовъ, изъ коихъ въ каждомъ находится Князь низшей степени.» (L. de adm. im. Cap. XXXVIII.)

[105] Въ той же книгѣ главы: 1, 4, 5, 7, 8.

[106] De adm. Im. cap. II.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

ко бы онъ неходилъ далѣе и возвратился домой, и можетъ быть переговорахъ довольно поторговались и погрозили Игорю, да особо успѣли передать подарки и Печенѣгамъ, какъ прямо ска въ преданіи. Но дружина сложившая преданіе, немогла знать ь подробностей переговоровъ ни формы въ какой они были ве Византійцами; она только видѣла, что Византійскіе Император послы пришли къ Игорю, и узнала также, что Царь черезъ по ь обѣщаетъ дать деньги и шелковыя ткани, только бы Игорь дилъ подъ Константинополь; и этого для дружины было до но, чтобы сказать: Царь поклонился нашему Князю, и обѣщалъ больше той, которую далъ Олегу. Да и на самомъ дѣлѣ мо ь быть Игорь взялъ отъ Императора больше чѣмъ Олегъ; ибо Византійцовъ, по ихъ тогдашнему положенію, было гораздо вы ѣе прикинуть къ подаркамъ нѣсколько лишнихъ мешковъ золо нѣсколько партій шелковыхъ матерій, чѣмъ допустить что Руссы пожгли и пограбили приморскіе города и села Имперіи. ь посылали же они въ это время ежегодно подарки Печенѣгамъ, ы тѣ были съ ними въ мирѣ, какъ пишетъ самъ Константинъ фирородный,[108] то почему же Византійцамъ, нельзя было однажды латиться Игорю, чтобы онъ отложилъ походъ въ ихъ владѣнія. Константина даже есть прямое указаніе, что Византійцы обык нно поплачивались Руссамъ, чтобы тѣ не нападали на Визан кія владѣнія; такъ въ своихъ наставленіяхъ сыну онъ прямо го тъ: «Ежели Римскій Императоръ будетъ имѣть миръ съ Пече ами, то ни Руссы, ни Турки не могутъ нападать на Римскую перію, и боясь Императора онирающагося на помощь и могуще Печенѣговъ не будутъ требовать у Римлянъ огромныхъ суммъ скупленіе мира.»[109] Здѣсь нельзя принимать въ разчетъ того, что нтійцы два года назадъ разбили наголову Игоря; ибо они хо о понимали, что эта побѣда имъ обошлась дороже настоящей и не отучила Руссовъ отъ набѣговъ на владѣнія Имперіи. ператоръ Византійскій конечно и недумалъ называть себя дан омъ Олеговымъ, послы Императорскіе только сказали Игорю: ь дастъ тебѣ больше нежели сколько далъ Олегу; а дружина рева сложила, что Царь обѣщалъ придать и къ той дани кото-

---

De admin. Imp. cap. I.
Ibid. cap. IV.

водителя добровольно по призыву собравшейся дружины; ибо здѣсь нѣтъ и помину объ укладахъ на Рускіе города, о которыхъ упоминалъ Олегъ при заключеніи мира съ Греками. Слѣдовательно Руская земля, Рускіе города неучаствовали въ этомъ походѣ, замышленномъ отъ одного Игоря, и совершенномъ при содѣйствіи однихъ повольниковъ, приглашенныхъ Игоремъ.

Вскорѣ послѣ втораго Игорева похода, по свидѣтельству лѣтописи Византійскіе Императоры Романъ, Константинъ и Стефанъ отправили къ Игорю посольство устроить прежде заключенный миръ. Игорь поговоривъ съ послами о мирѣ послалъ своихъ мужей къ Роману, которые передъ Романомъ и его сановниками и написали мирный договоръ, на основаніи прежняго договора бывшаго при тѣхъ же царяхъ Романѣ Константинѣ и Стефанѣ. Въ этомъ извѣстіи лѣтописи мы въ 1-хъ видимъ, что настоящій договоръ былъ написанъ по замышленью Византійцовъ. Лѣтопись прямо говоритъ: «присла Романъ слы къ Игореви,» тогда какъ Олеговъ договоръ былъ писанъ по замышленью Олега и его мужей» посла Олегъ мужи свои построити мира.» И во 2-хъ находимъ указаніе, что настоящій договоръ написанъ на основаніи прежняго договора и именно Игорева же а не Олегова; ибо въ лѣтописи прямо сказано: «равно другаго свѣщанія, бывшаго при Цари Романѣ, и Костянтинѣ и Стефанѣ.» Олеговъ же договоръ, какъ извѣстно, былъ заключенъ при царяхъ Львѣ, Александрѣ и Константинѣ. Слѣдовательно у Игоря былъ еще другой мирный договоръ съ Греками, который до насъ недошелъ. Эту мысль подтверждаютъ и нѣкоторыя статьи настоящаго договора; такъ въ 1-й статьѣ сказано: что прежде Рускіе послы по договору должны были носить печати золотые, а гости серебряныя; а по настоящему договору послы и гости Рускіе должны приносить грамоты отъ великаго князя, съ прописаніемъ сколько съ ними послано кораблей; въ Олеговомъ же договорѣ нѣтъ и помину и золотыхъ и серебряныхъ печатяхъ; ясно что настоящая статья ссылается не на извѣстный Олеговъ договоръ, а на другой договоръ Игоревъ до насъ недошедшій. Въ 3-хъ въ настоящемъ извѣстіи мы даже находимъ какимъ порядкомъ писался договоръ у Рускихъ съ Византійцами. Лѣтопись говоритъ: «Посла Игорь мужѣ своя къ Роману, Романъ же созва боляра и сановники. Привелоша Рускія слы, и велѣша глаголати, писати обоихъ рѣчи на харатьѣ; слѣдовательно переговаривались въ присутствіи Императора и его сановниковъ, и писалось въ одно время со словъ и по Гречески и по Руски. Это показываетъ, что Игоревы посланники свободно умѣ

[illegible]

Статья пятая

[illegible]

Статья шестая

[illegible]

тищѣ, да вдасть златникъ 5-ть. Ащели обрящются Русь работающе у Грекъ, ащели суть плѣнѣницы, да искупають є Русь по 10 златникъ; ащели купилъ будеть Гречинъ, подъ хрестомъ достоить ему, да возметь цѣну свою, елико же далъ будеть на немъ.

найдутся въ услуженіи у Грековъ плѣнные Руссы, то за нихъ Русь должна платить выкупу по десяти золотыхъ. Ежели же Руссъ будетъ купленный, то Грекъ долженъ будетъ подъ крестомъ взять цѣну свою, сколько за него заплатилъ.

Статья седмая:

А о Корсуньстѣй странѣ, елико же есть городовъ на той части, да неимать волости Князь Русскій, да воюеть на тѣхъ странахъ. А кая[110] страна не покоряется вамъ; тогда еже просить вой у насъ Князь Рускій да воюеть, дамы ему, елико ему будеть требѣ.

А о Корсунской сторонѣ, сколько ни есть городовъ въ томъ краю, Князь Рускій неимѣетъ власти воевать тамъ. А ежели которая страна не покаряется вамъ, и ежели Рускій Князь попроситъ у насъ войска, чтобы воевать; то мы дадимъ ему сколько будетъ нужно.

Статья осмая:

И о томъ аще обрящють Русь кубару Гречьскую въвержену на коемъ любо мѣстѣ, да не преобидить ея; аще ли отъ нея возметь кто что, ли человѣка поработить, ли убьеть, да будеть повиненъ закону Руску и Гречьску.

И о томъ ежели Рускіе найдутъ Греческую кубару выкинутую на какомъ нибудь мѣстѣ; то да не преобидятъ ее. Ежели же кто возметъ что нибудь изъ нея, или человѣка поработитъ, или убьетъ; повиненъ казни по Рускому и Греческому закону.

Статья девятая:

Аще обрящеть въ вустьѣ Днѣпрьскомъ Русь Корсуняны рыбы ловяща, да нетворять имъ зла ни какова. И да неимѣють власти Русь зимовати въ вустьи Днѣпра, Бѣлѣберезьѣ, ни у святаго Ельферья; но егда придеть осень, да идуть въ домы своя въ Русь.

Ежели Русь встрѣтятъ въ Днѣпровскомъ устьѣ Корсунянъ ловящихъ рыбу; да не творятъ имъ никакого зла. Русь неимѣетъ власти зимовать въ устьѣ Днѣпра, въ Бѣлобережьѣ, ни у Св. Ельферія; но когда придетъ осень должны идти домой въ Русь.

[110] Radzim. стр. 42.

[illegible]

---

[1] Акты Т. I стр. 154

поставляется Грекъ, Гречинъ; и даже прямо говорится: «иже помыслитъ отъ страны Рускія разрушити таку любовь, и елико ихъ крещенье пріяши суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержителя; и елико ихъ есть некрещено, да неимуть помощи отъ Бога ни отъ Перуна.»

Вторая статья есть совершенно новая, о которой нѣтъ и помину въ Олеговомъ договорѣ, и прямо показываетъ, что она составлена Византійцами. Она требуетъ, чтобы послы и гости, пріѣзжая въ Константинополь, предъявляли отъ Князя грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей, и грозитъ, что всѣ пріѣзжающіе безъ княжей грамоты будутъ задержаны, а въ случаѣ сопротивленія подвергаются опасности быть убитыми. Эта предосторожность со стороны Византійцовъ ясно показываетъ, что Руссы подъ видомъ торговли нерѣдко пріѣзжали грабить и разорять Византійскія селенія; въ договорѣ прямо сказано: по Княжей грамотѣ «да увѣмы и мы, оже съ миромъ приходятъ.» Въ этой же статьѣ мы находимъ свидѣтельство, что у Византійцовъ былъ еще другой, предшествовавшій этому, договоръ съ Игоремъ, въ которомъ также они хотели предостеречь себя отъ Рускихъ грабителей, и для сего требовали, что бы Рускіе послы имѣли при себѣ золотыя печати, а гости серебряныя; но вѣроятно эта предосторожность оказалась недостаточною; и по сему въ настоящемъ договорѣ Византійцы установили, чтобы Рускіе послы и гости предъявляли княжую грамоту, сколько съ ними отправлено кораблей съ Грецію, съ правомъ задерживать тѣ корабли, которые придутъ безъ грамотъ, и сноситься о ихъ приходѣ съ самимъ Княземъ. Условіе сноситься Грекамъ съ Рускимъ Княземъ о корабляхъ непредъявляющихъ княжихъ грамотъ показываетъ, что сношеніе Грековъ съ Руссами были довольно часты и дѣятельны, и непредставляли большихъ затрудненій, въ противномъ случаѣ Греки не приняли бы на себя такой обязанности.

Третья статья договора повторяетъ тоже, что было сказано въ договорѣ Олега съ Греками предъ вратами Константинополя въ 907 году; т. е. что бы Руссы приходящіе не для торговли нетребовали мѣсячины, чтобы послы и вообще всѣ Руссы приходя въ Грецію неимѣли безчинія, что бы останавливались у Св. Мамы, куда будетъ приходить императорскій чиновникъ переписывать имена пришедшихъ и назначать мѣсячины, что бы входили въ городъ съ царскимъ приставомъ одними воротами и неболѣе 50 человѣкъ въ одинъ разъ; въ этой статьѣ только три новости не встрѣчающіяся въ Олеговыхъ

ка въ пользу Руссовъ, неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ, и конечно вытребованная Руссами по прежнему до насъ недошедшему договору Игоря; ибо въ статьѣ прямо сказано: «взимаютъ отъ насъ цѣну свою, якоже уставлено есть прежде, двѣ паволоцѣ за челядинъ.» Вторая половина этой статьи, относящаяся собственно къ Греческимъ невольникамъ бѣжавшимъ къ Руссамъ пріѣзжающимъ въ Константинополь, назначаетъ даже вознагражденіе Руссамъ за возвращеніе невольниковъ, полагая по два солида за каждаго въ такомъ случаѣ, ежели Руссъ возвращая невольника съ тѣтъ вмѣстѣ приносилъ въ цѣлости и то, что невольникъ унесъ у своего господина. Это была новая уступка въ пользу Руссовъ неизвѣстная въ Олеговомъ договорѣ; которая явно свидѣтельствуетъ объ усилившихся сношеніяхъ Руссовъ съ Греками. Здѣсь мы неможемъ подозрѣвать какой нибудь передѣлки или измѣненія статьи лѣтописцемъ; ибо начало этой половины статьи явно составлено по Римскому праву, здѣсь говорится о невольникахъ принадлежащихъ нетолько частнымъ лицамъ но и городамъ: «городскихъ или публичныхъ, казенныхъ рабовъ въ то время на Руси вовсе незнали; отсюда очевидно, что это раздѣленіе рабовъ на частныхъ и публичныхъ принадлежитъ Римскому праву, которое даже налагало особую пеню за отчужденіе публичныхъ или городскихъ рабовъ; [115] и Руссъ немогъ ни коимъ образомъ составить подобной статьи, ему публичные рабы были неизвѣстны, что замѣтно даже въ самой статьѣ; ибо Греки для Руссовъ принуждены были отмѣнить то рѣзкое различіе, какое по Римскому праву полагалось между публичнымъ и частнымъ рабомъ, и положить одинаковое вознагражденіе по два солида, какъ за частнаго, такъ и за публичнаго раба.

Пятая статья говоритъ о грабѣжѣ и кражѣ. Здѣсь на основаніи Римскаго права отличается грабежъ, отнятіе силою (rapina), отъ кражи, взятія тайкомъ (furtum); таковаго раздѣленія въ Олеговомъ договорѣ незамѣчено, тамъ только говорится объ одной кражѣ (furtum). Статья отличая грабежъ отъ кражи назначаетъ и различныя наказа-

---

[115] Cod. L. VI. Tit. I. § V. Mancipia diversis artibus praedita, qvae ad rempublicam pertinent, in jisdem civitatibus placet permanere, ita ut si quis tale mancipium sollicitaverit vel avocandum crediderit, cum servo altero sollicitatum restituat, duodecim solidorum summa inferenda rejpublicae illius civitatis, cujus mancipium adduxerit.»

[illegible]

стариковъ и за дѣтей. Это статья сильно противорѣчитъ таковой же статьѣ Олегова договора, въ которой назначалась одинакая цѣна за каждаго плѣнника по 20 солидовъ, именно та въ которую цѣнился бѣглый рабъ по Римскому праву;[115] какая была причина, къ такому измѣненію цѣны мы не знаемъ; но конечно это клонилось не къ пользѣ Руссовъ, которымъ по настоящему договору приходилось продавать плѣнниковъ дешевлѣ нежели прежде, выкупать Рускихъ плѣнниковъ у Грековъ дороже; ибо по настоящей статьѣ не только всѣ Рускіе плѣнники поставлены въ одной цѣнѣ, по 10 солидовъ за каждаго, но даже въ случаѣ, ежели Грекъ пріобрѣталъ Рускаго плѣнника покупкою, то Руссы при выкупѣ должны были платить именно ту цѣну, по какой Грекъ самъ пріобрѣлъ плѣнника. А при такомъ условіи естественно Руссамъ едва ли когда удавалось выкупать своихъ плѣнниковъ изъ первыхъ рукъ; ибо Греки конечно спѣшили перепродавать ихъ другъ другу по высокой цѣнѣ, чтобы взять эту цѣну при выкупѣ.

Седмая статья составлена собственно въ пользу Корсунскаго края, который состоялъ подъ покровительствомъ Византійцовъ, и находясь неподалеку отъ Рускихъ владѣній легко могъ подвергаться нападеніямъ Руссовъ. Статья именно говоритъ: «на Корсунской сторонѣ, сколько есть городовъ въ томъ краю, Князь Рускій неимѣетъ власти воевать тамъ.» И такимъ образомъ прямо показываетъ, что безспокойные Руссы въ Игорево время сильно тревожили Корсунцовъ, что подтверждается и свидѣтельствомъ Константина Порфиророднаго, который въ своихъ наставленіяхъ сыну между другими причинами къ соблюденію постояннаго союза Византійскихъ Императоровъ съ Печенѣгами полагаетъ и то, чтобы они недозволяли Руссамъ нападать на Греческія владѣнія, слѣдовательно и на Корсунь.[116] Въ вознагражденіе за такую уступку со стороны Руссовъ, Византійцы обязываются помогать Рускому Князю своими войсками, когда эта помощь ему понадобится въ войнахъ съ другими народами. Конечно это обязательство никогда неприводилось въ исполненіе, ибо Рускіе не прибѣгали къ пособію Византійцовъ; но оно важно для исторіи тѣмъ, что указываетъ на нѣкоторое равенство отношеній между Руссами и Византійцами, здѣсь Греки неприказываютъ Руссамъ, а тре-

[115] Cod. L. VI. Tit. IV.

[116] De adm. imp. cap. IV.

[illegible]

Аланъ и Черныхъ Болгаръ; и разсуждаетъ что ежели Римскій Императоръ будетъ въ союзѣ съ сими тремя народами, или съ однимъ изъ нихъ, то Хазарамъ нельзя будетъ тревожить Херсонскихъ владѣній.[118] Ясно что подъ Черными Болгарами здѣсь нельзя разумѣть Дунайскихъ; ибо Дунайскіе отдѣленные всѣми кочевьями Печенѣговъ немогли нападать на Хазаръ, тогда какъ Волгскіе Болгары на Волгѣ прямо могли нападать на Хазарію. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ, что на Сѣверъ отъ Меотійскаго болота лежитъ рѣка Днѣпръ, откуда Руссы ходятъ въ Черную Булгарію, Хозарію и Сирію.[119] Здѣсь Императоръ Византійскій кажется указываетъ на путь Руссовъ по Окѣ и Волгѣ въ Волжскую Болгарію и Хазарію и даже Ширванъ изъ Суздальской стороны. Слѣдовательно въ X вѣкѣ уже и въ Константинополѣ знали, что Рускія владѣнія простирались далеко на востокъ по Волгѣ почти до предѣловъ Болгаріи, и что Руссы могли нападать на Волжскихъ Болгаръ.

Статья одиннадцатая требуетъ, чтобы Руссы сами не казнили провинившихся предъ ними Грековъ, а отдавали ихъ Грекамъ, которые будутъ казнить ихъ по Императорскому повелѣнію. Эта статья невстрѣчается въ Олеговомъ договорѣ, и очевидно относится только къ Руссамъ пребывающимъ въ Константинополѣ, и показываетъ на успѣшіе сношеній Руссовъ съ Византійцами, какъ справедливо замѣтилъ Эверсъ въ своей книгѣ древнѣйшее Руское право въ историческомъ его разкрытіи. (Стр. 208—210.)

Статья двѣнадцатая и тринадцатая представляютъ почти повтореніе третьей и четвертой статей Олегова договора; въ томъ и другомъ договорѣ убійца долженъ быть убитъ ближнимъ убіеннаго, а ежели убѣжитъ, то ближніе убіеннаго берутъ имѣніе убійцы; также за ударѣніе мечемъ или другимъ какимъ орудіемъ по тому и другому договору назначается пеня въ 5 литръ серебра. Вся разница сихъ статей по тому и по другому договору состоитъ въ томъ, что въ Олеговомъ договорѣ въ статьѣ объ убійцахъ сказано, что ближніе убитаго могутъ взять только то имѣніе, которое принадлежитъ убійцѣ по закону, и неимѣютъ права на имѣніе его жены. А въ статьѣ объ ударѣніи мечемъ или другимъ орудіемъ, ударившій, ежели немогъ запла-

[118] Ibid. cap. X, XI, XII.

[119] Ibid. cap. XLII.

препятственно могутъ вступать въ Греческую службу. Сіи двѣ статьи находятся въ тѣсномъ отношеніи другъ къ другу, или одна другую замѣняютъ. По Олегову договору Руссы безпрепятственно могли ходить въ Константинополь какъ съ торговлею такъ и безъ торговли; слѣдовательно, при такой свободѣ, Руссовъ очень много приходило въ Константинополь, такъ что Греческое правительство безъ особыхъ требованій отъ Рускаго Князя легко могло набирать цѣлые отряды Руссовъ въ самомъ Константинополѣ. Но въ послѣдствіи Византійцы увидали, что Руссы приходящіе въ Константинополь безъ торговли дѣлали большіе безпорядки и вообще становились въ тягость Грекамъ; по сему еще въ первомъ договорѣ съ Игоремъ было постановлено, (въ предупрежденіе излишняго скопленія Руской вольницы) что бы послы приходили съ золотыми печатьми а гости съ серебряными, а въ настоящемъ договорѣ эта мѣра замѣнена строжайшею, по которой Греки принимали къ себѣ и допускали жить въ Греціи только тѣхъ Руссовъ, которые приходили съ Княжими грамотами, въ которыхъ именно прописывалось сколько торговыхъ кораблей отправляетъ князь, всѣхъ же приходящихъ безъ грамотъ задерживали и въ случаѣ сопротивленія имѣли право убивать. Эта новая мѣра исключала всякую возможность скопленія буйной Руской вольницы въ Константинополѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлала невозможнымъ набирать въ самомъ Кинстантинополѣ Рускіе отряды въ Греческую службу. Слѣдовательно съ принятіемъ этой мѣры необходимо должна была явиться и новая статья въ договорѣ, по которой бы Императоръ могъ требовать войскъ у Рускаго князя. Но изъ этой статьи нельзя заключать, чтобы Рускій князь безъвозмездно обязывался посылать свои войска въ помощь Грекамъ; эта статья только обезпечивала Императора въ томъ, что онъ за извѣстную плату можетъ ожидать требуемое количество войскъ отъ Рускаго князя. Подобныя условія Византійцы заключали и съ Печенѣгами и съ другими народами, отъ которыхъ надѣялись получать нужныя войска въ случаѣ войны. Настоящая статья со стороны Руссовъ была и исполнена при Святославѣ, по именно такъ, какъ мы здѣсь замѣчаемъ, т. е. Святославъ за извѣстную плату отъ Византійскаго императора явился въ 967 году съ своими войсками въ Дунайской Болгаріи. Самое выраженіе настоящей статьи: «и пошлетъ къ намъ, елико же хочемъ» указываетъ на то, что здѣсь дѣло идетъ о наймѣ войскъ, а не приглашеніи союзниковъ. Ежели Византійцы самый миръ покупали у Руссовъ за большую или меньшую плату, какъ ясно говоритъ Константинъ Пор-

Княгини.» А сага Олава сына Тригвіева, называя Ольгу Аддотіей и супругою Владимира, говоритъ, что она была умнѣйшею изъ всѣхъ женъ, и по обычаю сильнѣйшихъ Конунговъ того времени у ней неменѣе было гридей, какъ и у самаго Конунга, которыхъ она содержала на своемъ иждивеніи, и получала на то казну и все что было нужно. [136] «Объ отдѣльной казнѣ Ольги и особыхъ ея доходахъ мы имѣемъ свидѣтельство и въ нашей лѣтописи; въ которой сказано, что третья часть Древлянской дани шла Ольгѣ въ Вышгородъ, ибо Вышгородъ былъ Ольгинъ градъ». [137]

Древляне убивши Игоря порѣшили на своемъ вѣчѣ такъ: вотъ «мы убили Рускаго князя, возмемъ жену его за своего Князя Мала, а съ Святославомъ поступимъ такъ, какъ намъ хочется.» Принявши такое рѣшеніе, они отъправили къ Ольгѣ 20 человѣкъ лучшихъ мужей, которые пришли къ Кіевъ водою въ лодьи и пристали подъ Боричевымъ. Здѣсь лѣтописецъ съ довольною подробностію описываетъ мѣстность тогдашняго Кіева. По его славамъ вода въ то время текла въ долѣ Кіевской горы, и на подолѣ небыло еще жилыхъ строеній, Кіевляне жили на горѣ, и городъ Кіевъ былъ тамъ, гдѣ нынѣ дворъ Воротиславль и Чудинъ, а перевѣсище было внѣ града, внѣ же града былъ другой дворъ княжескій теремный, надъ горою за Св. Богородицею, гдѣ нынѣ дворъ Доместиковъ, тамъ былъ и теремъ каменный. Это описаніе показываетъ, что городъ Кіевъ въ Игорево время былъ еще очень малъ въ сравненіи съ Кіевомъ XI столѣтія и занималъ только одну гору надъ Боричевымъ перевозомъ и что было два двора княжескихъ одинъ въ городѣ, а другой каменный внѣ города позади того мѣста, гдѣ при Владимирѣ была построена десятинная церковь. И кажется Князья въ это время преимущественно жили въ этомъ загородномъ дворѣ, по крайней мѣрѣ Ольга тутъ принимала Древлянскихъ пословъ; на преимущественное пребываніе въ этомъ дворѣ Князей указываетъ то, что онъ былъ каменный, слѣдовательно болѣе безопасный и укрѣпленный, что было необходимо для тогдашнихъ Князей.

Ольга узнавши о приходѣ Древлянскихъ пословъ позвала ихъ къ себѣ, и спросила: добрые гости скажите чего ради пришли сюда. Древляне отвѣчали: послала насъ Деревская земля, а приказано сказать: му-

---

[136] Руск. Ист. Сбор. Т. IV. стр. 53.

[137] Лавр. 25.

родомъ и Русою; верховья Мсты также немогли не принадлежать Новгороду, когда ему уже принадлежало Бѣлоозеро; тоже должно сказать и объ низовьяхъ Луги, ибо Новгородъ уже владѣлъ восточнымъ берегомъ Балтійскаго моря, именно тамъ гдѣ впадаетъ Луга.

Относительно самыхъ учрежденій сдѣланныхъ Ольгою въ Новгородскомъ краю лѣтопись указываетъ на замѣчательное различіе; она говоритъ, что по Мстѣ Ольга учредила погосты и дани, а по Лугѣ оброки и дани. Это показываетъ, что Ольгѣ были уступлены иныя права на владѣніе по Мстѣ и иныя по Лугѣ; по Мстѣ Ольга не имѣла оброковъ, а по Лугѣ неучреждала погостовъ. Чтобы объяснить это различіе, должно опредѣлить значеніе оброковъ и погостовъ.

На основаніи Руской правды и другихъ оффиціальныхъ памятниковъ мы уже видѣли, что оброками уроками назывались опредѣленные, урсченные, назначенные въ извѣстные сроки, платежи за пользованіе пахотною землею, рыбными ловлями, лугами, бортными ухожаями и другими угодьями. А по сему ежели Ольга учреждала по Лугѣ оброки; то значитъ, что въ этомъ краю Новгородцами ей были уступлены разныя земли и угодья, которыя она, ненаходя удобнымъ а можетъ быть и неимѣя права содержать своими людьми, отдавала въ оброчное содержаніе тамошнимъ жителямъ за извѣстную плату или оброкъ. Въ подтвержденіе того, что у Новгородцовъ дѣйствительно существовалъ обычай поступаться князьямъ пахотными землями и другими угодьями, мы имѣемъ нѣсколько свидѣтельствъ въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ; такъ напримѣръ въ договорной грамотѣ Новгорода съ В. К. Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ писанной въ 1327 году сказано: «А пожни, княже, что твои и твоихъ мужъ, то твое что пошло.» [147] А также есть свидѣтельство и тому, что князья неимѣли права уступленныхъ земель въ Новгородскомъ краю держать своими людьми, и ставить тамъ селы, объ этомъ упоминается даже въ договорной грамотѣ съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ III-мъ въ 1471 году послѣ Новгородскаго разгрома; въ ней сказано: «а пожни, великіе Князи, ваши и вашихъ мужей, то ваши и вашихъ мужей; а што пожни Новгородскіе а то къ Новугороду какъ пошло. А слободъ и селъ Князи Великіе съступилися великому Новгороду; на Новгородской земли селъ неставити.» [148]

---

[147] Собр. Г. Г. и Д. Т. I. № 15.
[148] Ibid. № 20.

что именно часть волостей по Мстѣ уступалась Новгородцами Князю, чтобы онъ держалъ тамъ своихъ тіуновъ; такъ грамота говоритъ: «А что ти, Княже, пошло на Торжку и на Волоцѣ тіунѣ свой держати на своей части, а Новгородца на своей части.» Или въ грамотѣ 1307 года: «А дьржати ти свой тіунъ на половинѣ. а Новгородьць на половинѣ въ всей волости Волочкой; а на Търъжку ти, Княже, дьржати свой тіунъ на своей части, а Новгородьць на своей части.» [150] Посему и значеніе слова погостъ, въ Новгородскомъ краю, даетъ намъ ясное понятіе, почему лѣтопись сказала, что Ольга по Мстѣ устроила только погосты, но неназначала оброковъ.

Наконецъ теперь остается опредѣлить слово данъ, какое значеніе оно имѣло въ Новгородскомъ краю. Дань получаемая Рускими Князьями съ Новгородскаго края очевидно имѣла не то значеніе, въ какомъ она припималась у Древлянъ, когда ходили къ нимъ за данью Олегъ и Игорь. У Древлянъ при Олегѣ и Игорѣ данью назывался неопредѣленный поборъ, взимаемой силою, чрезъ посредство Княжой дружины, которая приходила грабить Древлянъ, чтобы и самой нажиться и Князю доставить выгоды; но мы неимѣемъ свидѣтельствъ, чтобы Княжая дружина посылалась въ Новгородъ для сбора дани; слѣдовательно дань Новгородская имѣла свое особое значеніе, но какое именно тогдашнія лѣтописи объ этомъ неговорятъ; а посему мы опять обратимся къ позднѣйшимъ Новгородскимъ грамотамъ, гдѣ находимъ весьма важное для насъ свидѣтельство. Въ грамотѣ 1307 года сказано: «А за Волокъ ти, Княже, своего мужа неслати, продаяти ти дань своя Новгородьцю.» [151] По прямому смыслу сей грамоты, Князь нетолько немогъ посылать своей дружины для сбора дани въ Новгородскомъ краю, но даже обязывался не посылать туда и сборщика, а отдавать дань на откупъ Новгородцу; а на откупъ можно отдавать только то, что уже опредѣлено, что извѣстно хотя приблизительно; слѣдовательно по смыслу грамоты въ Новгородѣ Княжею данью назывался опредѣленный поборъ: по чемъ съ двора или съ сохи, или съ другой какой опредѣленной единицы. Слѣдовательно Ольга, учреждая дани по Мстѣ и Лугѣ, собственно опредѣляла по скольку ей должно идти дохода съ извѣстныхъ единицъ, въ краяхъ прилежащихъ ко Мстѣ и Лугѣ. А такъ какъ по прямому свидѣтель-

---

[150] Ibid. № 10.

[151] Ibid. № 10.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

милліарезій, папасъ Григорій восемь, двое переводчиковъ двѣнадцать. люди Святослава по пяти, шесть служителей повѣреннымъ по три, переводчикъ княгини получилъ пятнадцать миліарезій.

Когда Императоръ всталъ изъ за стола, то начался десертъ на небольшомъ золотомъ столикѣ, въ осыпанныхъ драгоцѣнными камнями тарелкахъ, который обыкновенно поставляется въ *пентапиргіи*.[158] Тамъ сидѣли Императоръ Константинъ и Императоръ Романъ порфирородный, и дѣти обоихъ порфирородные, и невѣстка Императорская и Руская Княгиня. Ей поданы въ подарокъ на золотомъ осыпанномъ драгоцѣнными камнями блюдѣ 500 миліарезій, шести ея приближеннымъ по 20 милліарезій и осмнадцати прислужницамъ по осми.

Осмнадцатаго октября въ воскресенье былъ второй клеторій, которымъ Императоръ угощалъ Руссовъ, и опять другой клеторій въ *Пентакубиклеи* Св. Павла, въ которомъ участвовали Императрица съ своими порфирородными дѣтьми съ своею невѣсткою, и Руская Княгиня. Въ это время Княгиня получила въ даръ 200 миліарезій, ея племянникъ 20-ть, папасъ Григорій восемь, шестнадцать приближенныхъ по двѣнадцати, осмнадцать прислужницъ по шести, двадцать два повѣренныхъ по 12, сорокъ четыре негоціанта по шести, двое переводчиковъ, каждый по шести.»

Изъ Константинова разсказа о пріемѣ Ольги при Византійскомъ дворѣ мы узнаемъ во первыхъ, что Ольга была въ Константинополѣ именно въ то время когда царствовали Константинъ Порфирородный и сынъ его Романъ; и была тамъ не въ 995 году, какъ замѣчено въ преданіи сохраненномъ у Нестора, а въ 958 году сентябрскомъ; ибо у Константина сказано, что пріемы Ольги при Византійскомъ дворѣ были: первый 9-го сентября въ среду, а вторый 18-го Октября въ воскресенье, которыя приходились въ означенныя дни въ 958 или въ 947 годахъ, а въ 955 году 9-го сентября было въ субботу, а 18-го октября въ среду. И конечно относительно хронологіи мы бо-

[158] Пентапиргіей, т. е. пятью башнями, кажется назывался особаго рода шатеръ поставляемый въ залахъ. Какъ это можно заключить изъ той же XV главы II книги о церемоніяхъ, гдѣ на 335 страницѣ сказано: «Золотая зала (*Χρυσοτρίκλινος*) быяи украшена такимъ же образомъ, какъ обыкновенно украшается въ праздникъ пасхи; то есть въ ней поставлены были пентапиргіонъ, императорскія троны или сѣдалища, ложи, золотой столъ» и проч.

[illegible]

мы хотя бы даже вздумали отвергать показаніе лѣтописи, то неможемъ придумать иныхъ причинъ поѣздки, сколько нибудь сообразныхъ съ лѣтами Ольги и съ обстоятельствами тогдашней Руси. Ольгѣ въ годъ путешествія въ Константинополь было никакъ немепьше шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, слѣдовательно нельзя предполагать, чтобы въ такіе лѣта она вздумала посѣтить Константинополь только для того чтобы посмотрѣть большой и богатый городъ; ибо какъ бы невелика была тогдашняя слава столицы Греческой имперіи; но для женщины въ 65 лѣтъ предпринимать трудное путешествіе только изъ одного любопытства, какъ-то неестественно и несогласно съ лѣтами. Въ нашей жизни всему свое время, и въ 65 лѣтъ женщинѣ съ неиспорченнымъ умомъ и сердцемъ свойственнѣе думать о смерти и загробной жизни, нежели предпринимать поѣздки съ цѣлію только посмотрѣть на заморскія диковинки, чтобы послѣ разсказывать объ нихъ домосѣдамъ. Разсматривая обстоятельства тогдашней Руси мы также неможемъ отыскать причинъ, которыя бы заставили Ольгу путешествовать въ Византію; ибо послѣ послѣдняго Игорева договора во все правленіе Ольги ни Русь ни Греки неизмѣняли свопхъ взаимныхъ мирныхъ отношеній; даже въ самомъ вступленіи Ольги въ Константинополь, какъ мы уже видѣли, Греки строго держались условій послѣдняго Игорева договора. И такъ по всѣмъ соображеніямъ показаніе лѣтописи, что Ольга ѣздила въ Константинополь съ единственною цѣлію, научиться Христіанству и принять крещеніе, остается не сомнѣннымъ и достовѣрнымъ, всѣ же другія причины поѣздки придумываемыя новѣйшими изслѣдователями, оказываются выдумками.

По прибытіи въ Кіевъ, какъ свидѣтельствуетъ наша лѣтопись, Ольга старалась обратить къ христіанству и сына своего Святослава; но этотъ молодой Князь, рожденный для битвъ и подвиговъ воинскихъ, не былъ разположенъ къ принятію вѣры проповѣдующей смиреніе и миролюбіе. И всѣ старанія Ольги просвѣтить сына остались безъуспѣшными; Святославъ любившій только дружину, по словамъ лѣтописи: «небрежаше того ни во уши пріймати; но аще кто хотяше креститися, небраняху но ругахуся тому.» Онъ на всѣ увѣщанія матери постоянно давалъ одинъ отвѣтъ: «какъ я приму другой законъ? дружина будетъ смѣяться.» Это упорство Святослава, которому тогда по всему вѣроятію было лѣтъ 18 отъ роду, показываетъ, что около молодаго князя уже собиралась воинственная дружина буйной молодежи, которая скучала миролюбивымъ правленіемъ старѣющейся Ольги, и въ самомъ Князѣ возбужда неудоволь-

3002 серебромъ и 17615 тогдашнихъ рублей, а книгъ описано болѣе тысячи томовъ, въ томъ числѣ много Греческихъ и Латинскихъ и печатныхъ и письменныхъ, и на бумагѣ и на пергаментѣ. Тутъ особенно отличны книги вывезенные Никономъ въ бытность его Митрополитомъ Новгородскимъ, преимущественно Греко-Латинскія, и особенно книги пріобрѣтенныя чрезъ Арсенія Грека, почти одни Греческія, и печатныя и письменныя. Въ числѣ Греческихъ книгъ, кромѣ Твореній Отцевъ церкви, здѣсь упоминаются и Гомеръ, и Софоклъ, и Гезіодъ и Демосѳенъ, и Геродотъ и Фукидидъ и другіе древніе писатели Греческіе. Изъ Славянскихъ книгъ встрѣчается письменная Библія 7066 года. Впрочемъ въ предисловіи нѣтъ надобности перечислять всѣ книги; довольно указать на составъ библіотеки, разборъ которой конечно не будетъ не занимателенъ для библіографовъ, они изъ него увидятъ какія книги были у Патріарха Никона, и сохранятся какія уцѣлѣли теперь въ библіотекахъ Патріаршей, Синодальной, Типографской и Воскресенскаго монастыря, ибо книги Никона по волѣ его и даже по указанію издавшаго здѣсь описи должны были поступить въ упомянутыя книгохранилища. 2-е Описи различныхъ оффиціальныхъ грамотъ и книгъ представятъ для изслѣдователя множество данныхъ о тогдашней церковной администраціи, и особенно объ управленіи церковными имѣніями. Здѣсь между прочимъ изслѣдователь встрѣтитъ нѣсколько новыхъ указаній, что частные люди и даже нѣкоторыя общественныя учрежденія отдавали свои капиталы на храненіе въ Патріаршую казну. 3-е Опись различнаго домашняго имущества, одеждъ, посуды и утвари всякой не обмолвилась для домашняго и церковнаго обихода послужатъ для археологовъ богатымъ запасомъ матеріаловъ для Русской археологіи XVII вѣка.

тутъ также попадается нѣсколько указаній о домашнемъ хозяйствѣ того времени, и между прочимъ есть свидѣтельство о ловлѣ жемчугу въ рѣкѣ Варзугѣ, гдѣ онъ попадается еще и теперь; въ описи сказано: «жемчугу всякого двадцать восмь зеренъ крупнаго и мѣлкаго не алмазного, Варзуского; збору 163 и 164 и 165 годовъ, вѣсу въ томъ жемчугу золотникъ.» Собиратели автографовъ здѣсь найдутъ ясное и прямое указаніе, что Патріаршіе подписи на ставленныхъ грамотахъ печатались, а не писались самими Патріархами; въ описи сказано: «станокъ, что печатывалъ ставленые грамоты, вмѣсто подписи Патріарховы руки.»

—

Вторый памятникъ, издаваемый въ нынѣшней книгѣ Временника, содержащій описаніе путешествія Московскаго купчины, гостя Ѳедота Аѳанасьева Котова, въ Персію въ 1623 и 1624 годахъ, никогда еще не былъ изданъ, и даже едва ли извѣстенъ знатокамъ нашей старинной литтературы, онъ найденъ въ одномъ рукописномъ сборникѣ знаменитаго книгохранилища М. П. Погодина; сборникъ по черку и по статьямъ принадлежитъ къ первой половинѣ XVII вѣка. Путешествіе Котова въ Персію подобно путешествію Аѳанасья Никитина въ Индію представляетъ много любопытныхъ и замѣчательныхъ извѣстій о посѣщенныхъ Котовымъ земляхъ. Путешественникъ съ товарищами и товарами сѣлъ на суда въ Москвѣ, и Москвою рѣкою, Окою и Волгою прибылъ въ Астрахань, тамъ перегрузилъ товары на морскія суда или Бусы и пустился Каспійскимъ моремъ въ Персидскую землю. Собственно

Псалтирь, в полдесть печатная, горѣлая

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Апрѣль

Книга печатная в десть, мѣсяцъ Мартъ

Книга писменая в десть, уставъ [illegible]

Книга уставъ, писменая в десть по тетратемъ

Книга [illegible], в полдесть писменой, в началѣ писано [illegible] Александрову Невскаго Князю [illegible]

Книга писана в десть, прологъ Саввы [illegible] старца, писано по тетратемъ

Книга шестодневъ, печатная в десть

Книга [illegible] общая [illegible], печатная в десть

Книга трефолъ цвѣтная, печатная в десть

Книга писаная в десть, Іоанна Златоустаго с Матфея и [illegible]

Книга потребникъ, печатъ Іосифовская в десть, обрѣзъ [illegible]

Псалтирь учебная печатная в десть, по обрѣзу [illegible]

Книга служебникъ, печатной, в полдесть

Книга писменая в полдесть, житие [illegible] Соловецкаго Чудотворца

Книга, писменая в полдесть, Аввы Дорофея

Книга, [illegible] в полдесть, [illegible]

Книга [illegible], печатная в полдесть

Книга [illegible], писменая в полдесть

В тетратехъ житие преподобнаго Кирилла Вологодскаго Чудотворца, писано в полдесть

Азбука печатная, в [illegible] листа

[illegible] листа

В тетратехъ писано [illegible], [illegible]

Канонникъ в четверть, канонъ Іоанна Чудотворца

Часовникъ печатной в четверть листа

Три [illegible], печатные в [illegible]

Три [illegible]

Книга [illegible] в [illegible], печатъ [illegible] [illegible] в [illegible]

[illegible] в полдесть [illegible]

[illegible] в [illegible]

Книга [illegible] в тетрадехъ в десть

Книга писменая в десть, [illegible]

Книга писменая в полдесть, в [illegible]

Книга уложенная.

Евангеліе напрестолное, писмяное в полдесть, Евангилисты ветхи гѣдные.

Часовникъ писмяной, да тутъ же писмяные каноны.

Книга печатная в полдесть, служба ризѣ Господней.

Двадцать три тетрати каноновъ и житей и служебъ писмяныхъ, грои тетрати чинъ и поставленіе Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца на Царство и на Великое Княжество всеа великія Росіи.

Книга Вселенскихъ Патріарховъ за руками и за печатми Греческимъ писмомъ, что на Московскомъ Государствѣ впредь быти Патріархомъ.

Грамота какъ поставлятися Патріархомъ въ Великомъ Царствующемъ градѣ Москвѣ, за рукою Іеремія Патріарха Царяградцкаго и Іева Патріарха Московского и за иными многими руками и печатми ѯ году.

Ладонь, Воскъ и Свѣчи:

Ладону росного з деревомъ два пуда десеть гривенокъ.

В рогожномъ мѣшку сѣрого мелкого ладону, вѣсомъ и с мѣшкомъ шесть пудъ.

Ладону жъ в рогожномъ мешкѣ, вѣсомъ и с рогожею пядь пудъ без четверти.

Кадь, в ней половина меншая ладону, вѣсомъ с кадью четыре пуда.

Ладону жъ в кадкѣ поболши половины, вѣсомъ и скадью шесть пудъ без четверти.

Ладону жъ в рогожномъ мешкѣ, вѣсомъ и с мѣшкомъ четыре пуда без четверти.

Ладону два пуда одинадцать гривенокъ.

Ладону росного три гривенки.

Воскъ.

Воску одинадцать пудовъ двадцать девять гривенокъ.

Воску жъ изъ ломпадъ пятнадцать гривенокъ.

Свѣча восковая витая выносная.

Три свѣчи восковыхъ, бывали поставные, с красками, ломаные.

Свѣча поставная деревяная писана скрасками.

[illegible] [illegible], спорокъ съ роги, бархатъ [illegible] гладкой, [illegible] [illegible], спорокъ съ роги бархатъ рытой, по [illegible] [illegible] травы [illegible] спорокъ съ роги, бархатъ [illegible] рытой, [illegible] [illegible], спорокъ, отласъ [illegible], безъ рукавовъ и безъ [illegible], спорокъ, камка [illegible] [illegible], безъ рукавовъ [illegible]; два рукава камки [illegible] [illegible], спорокъ, камка брусничной цвѣтъ.

Подушки

Подушка бархатъ [illegible], травы [illegible] [illegible] [illegible], два [illegible] безъ [illegible] [illegible]

Подушка бархатъ [illegible], травы [illegible] съ серебромъ, два [illegible] безъ [illegible]

Подушка бархатъ по [illegible] [illegible], [illegible] съ [illegible] [illegible] съ серебромъ, два [illegible] безъ [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible]

Подушка [illegible] по [illegible] и по [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]

Три подушки, [illegible] [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] съ серебромъ и съ [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] по [illegible] по [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] безъ [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] подушки [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Подушка [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Спорокъ съ подушки, [illegible] спорокъ бархатъ гладкой [illegible]

Спорокъ съ подушки, отласъ [illegible]

Шапки и [illegible]

Шапка [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], у ней [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible], [illegible], по [illegible] бархатъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]

Шапка [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], съ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Три [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].

Треухъ соболей подъ вишневыми обьярми, заднево лоскута нѣтъ.
Сморокъ съ треуха бархатъ зеленой.

Шубы:

Шуба кунья, подъ камкою кувтерною лазоревою, нашивка долгая тое жъ камки, ожерелье соболье съ пухомъ.

Шуба кунья подъ вишневою чешуйчетою камкою, ожерелье с пухомъ, нашивка тоежъ камки

Шуба камка красновишневая на горнастаяхъ, ожерелье соболье съ пухомъ, нашивка тоежъ камки.

Шуба темнозеленая, камка мелкотравная, на горнастаяхъ, ожерелье соболье кругомъ пухъ, нашивка тое жъ камки.

Шуба горнастайная подъ камкою свѣтлозеленою мелкотравною, ожерелье соболье, кругомъ пухъ.

Шуба нагольная бѣлая, кругомъ пухъ широкой, съ нашивкою ременною.

Шубенко ветчаное лисье черевье, покрыто таетишкою двоелишною, изорвано.

Цка лисьихъ лапъ въ длину два аршина без четверти, въ ширину съ четью.

Врозни каменья и запоны и вставки:

Изумрудъ большой, на золотомъ спнѣ.

Яхонтъ лазоревой большей въ себреномъ гнездѣ, лалъ большой алмаженой, кора изумрудная большая граненая, два лала алмаженыхъ среднихъ, лаликъ алмаженой не большой, лаликъ небольшой не алмаженой, половина яхонта лазоревого, семь бирюзъ, шесть каменей зеленыхъ смазней, хрусталь большой не алмаженой, тридцать четыре бирюзъ и взмазней въ гнездахъ серебреныхъ.

Четыре запоны золотые, а въ нихъ шесть алмазныхъ искоръ, да четыре зерна жемчюжныхъ.

Запана золотая, а въ ней лалъ да девять искоръ алмазныхъ.

Вставки:

Двадцать три вставки бирюзы и виницы мелкихъ, восмь вставокъ лаловыхъ, четыре искорки, четыре вставки изумрудныхъ, да искорка яхонтъ лазоревой, въ гнѣздѣ золотомъ.

Жемчюгъ и серги:

Жемчюгу середнего семь золотниковъ съ четью, да мелково жем-

Полсемы золотника жемчугу зерен в [illegible]

Пять золотников жемчугу [illegible] зерен Гурмыжских в [illegible]

Жемчугу мелкого полпята золотника, нового и старого

Десять золотников жемчугу [illegible] старого [illegible]

Шестьдесят четыре зерна жемчугу, да больше тѣх [illegible] зерен, да тѣх больше четырнадцать зерен, вѣсу в них три золотника с четью

Полтины зерен [illegible] большого

Десять зерен Гурмыжских [illegible] да три [illegible] вѣсу пол золотника

Жемчугу мелкого [illegible] с [illegible] одежды, тридцать четыре золотника

Жемчугу среднего семь золотников

Двенадцать зерен жемчугу

Жемчугу мелкого золотникъ безъ чети

Два зерна Гурмыжские

Серги одинцы на золотѣ, [illegible] да четыре зерна [illegible] Кафимские, а по сказкѣ патриаршего казначея старца [illegible] присланы тѣ серги изъ Пскова, отъ Псковскаго владыки въ соборную церковь къ Владимерской Богородицѣ

[illegible]

Шесть золотых, на них образ Царя Константина и матери его Елены, [illegible] золотой [illegible] и [illegible]

Двенадцать четыре [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Гурмыжской [illegible] [illegible] [illegible], а въ [illegible] двадцать четыре [illegible], а въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], да въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а въ [illegible] [illegible] [illegible], а въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], да три [illegible] [illegible] [illegible]

Серебра листоваго двадцать семь тетратей, а въ нихъ по его жъ Яковлевѣ сказкѣ по пятидесяти листовъ.

Въ казнѣ на лицо денегъ и ефимковъ за счетомъ и за печатми подъячихъ:

Елизарьева пріиму Ѳедорова въ сундукѣ:

Мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ пятьдесятъ семь мѣшковъ, а по скаскѣ подъячего Елизарья въ тѣхъ мѣшкахъ пять тысячь восемь сотъ рублевъ, а счетъ де у тѣхъ денегъ и печать старца Сергія, а онъ де Елизаръ тѣ деньги пріималъ у него старца вѣря ему Сергію.

Тысяча восмь сотъ тридцать пять ефимковъ съ полуефимкомъ Любскихъ, вѣсу въ нихъ три пуда восмь фунтовъ пятьдесятъ четыре золотника.

Четыреста девяносто шесть золотыхъ червонныхъ.

Ему жъ Елизару дано къ расходу ево Елизарова пріиму мелкихъ денегъ двѣсти сорокъ восмь рублевь тридцать два алтына, двадцать одинъ ефимокъ печатныхъ, да полшеста ефимка непечатныхъ.

Подъячаго Яковлева пріиму Ѳилипова: въ сундучкѣ восмь сотъ сорокъ шесть рублевъ тридцать алтынъ три деньги мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ, и въ томъ числѣ старыхъ копѣекъ сорокъ шесть рублевъ тридцать алтынъ три деньги, сто тридцать восмь рублевъ восмь алтынъ двѣ деньги, да пятьдесятъ ефимковъ Любскихъ.

Да у Якова жъ Ѳилипова въ мѣшкѣ денегъ за печатью подьяка Федки, прозвище Разбойника, а сколько въ томъ мѣшкѣ денегъ по счету того невѣдомо; а по скаскѣ Якова Ѳилипова поставлены де тѣ деньги у него на сбереженья, вѣсу въ тѣхъ деньгахъ и съ мѣшкомъ полъ пята фунта тринадцать золотниковъ.

У Якова жъ въ казенномъ коробѣ въ мѣшкѣ по счету тысяча триста пятьдесятъ четыре ефимка, ефимковъ же полуефимковъ же крестовыхъ въ розни вѣсу въ нихъ двадцать девять фунтовъ безъ золотника, шестьдесятъ три ефимка Любскихъ.

Володимирова пріиму Гурьева, мелкихъ серебряныхъ и мѣдныхъ денегъ шесть сотъ пятнадцать рублевъ двѣнадцать алтынъ четыре деньги, счетъ и печать и ерлыки ево Володимерова.

Въ судовомъ сундукѣ сто рублевъ пріиму подъячаго Елизарья Ѳедорова.

Въ пяти мѣстахъ денегъ сто восмьдесять пять рублевъ двадцать шесть алтынъ, пріиму разныхъ подъячихъ и въ томъ числѣ печат-

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Да пошлинныхъ же денегъ, съ Родіона Уварова съ вотчины, пять рублевъ.

Да пошлинныхъ денегъ Патріарша боярина и дьяковъ и подьячихъ двѣсти рублей.

Да взято денегъ на Оникіѣ Чистомъ по духовной гостя Ивана Стоянова Новгородца по челобитью сына ево Иванова Микиты, двѣсти рублевъ.

Денегъ же пятьсотъ девять рублей шесть алтынъ четыре деньги, что взяты по духовной умершего Семена Волынского, за вотчины ево на платежъ долговъ ево и на поминъ души ево и родителемъ ево.

Да келейныхъ же Патриаршихъ денегъ въ мѣшкѣ оточтены за покупки пятнадцать рублевъ, да четырнадцать ефимковъ съ признаки, да въ бумагѣ денегъ десять рублевъ, по скаскѣ подъячаго Матвѣя Халезова тѣ десять рублевъ прислалъ на покупку изъ Возскресенскаго Монастыря Ѳедоръ Тороповъ.

Да въ мѣшкѣ жъ девяносто полтора ефимка непечатныхъ, а по вѣсу въ нихъ полсема фунта, да двѣнадцать золотыхъ мѣлкихъ, серебреныхъ четыре рубли шесть алатынъ двѣ деньги; а по скаскѣ подьячаго Матвѣя Халезова и по ярлыку на мѣшкѣ тѣ деньги ефимки и золотые и мелкіе деньги взяты изъ Чудова Монастыря вмѣсто образныхъ окладовъ, что на образъ Алексѣя чудотворца, взяты тѣ оклады изъ Патріаршей келейные казны.

Да въ бумашкѣ угарнова келейнова серебра тридцать четыре золотника; и по скаскѣ подьячего Матвѣя Халезова то серебро взято у серебреныхъ мастеровъ.

Въ Патріаршу казну поставлено дворцоваго Приказу денегъ:

Пріиму подьячего Изота Иванова въ мешечкѣ шестьдесятъ пять рублевъ двадцать восмь алтынъ двѣ деньги.

Пріему подьячего Ивана Дурасова, шестдесятъ три рубли шестнадцать алтынъ четыре деньги, взяты за церковные мѣста Троицкой Неглиненской слободы попа Алексѣя.

Пріему подьячего Ларіона Ермолаева, ломанова серебра, что взято послѣ умершаго Новинского Монастыря стряпчаго Леонтья, вѣсу фунтъ шесть золотниковъ, да въ мѣшечкѣ денегъ пятдесятъ рублевъ съ полтиною.

Села Бѣлова колодезя Успенского попа Михаила девятнадцать рублевъ.

Въ мѣху десять рублевъ попа Поликарпа за ево счетомъ и за печатью.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Кубокъ съ кровлею ложчатой, на кровлѣ травки нѣтъ, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полтора фунта двадцать два золотника.

Кубокъ съ кровлею чешуйчатъ, на кровлѣ травка, коробованъ, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ и съ кровлею полфунта тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, золоченъ на оба лица, ложки мелкіе на кривомъ деревѣ, вѣсу четыре фунта двадцать три золотника.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, золоченъ на оба лица, вѣсу три фунта тридцать шесть золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею ложчатой, ложки мелкіе, золоченъ на оба лица, вѣсу въ немъ два фунта сорокъ семь золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею, золоченъ на оба лица, чеканной на достоканное дѣло, на кровлѣ городокъ, вѣсу полтретья фунта двадцать семь золотниковъ.

Кубокъ съ кровлею ложчатой, крупные ложки, на кровлѣ травка, золоченъ, вѣсу два фунта.

Кубокъ чеканной съ кровлею, на кровлѣ человѣкъ съ щитомъ, золоченъ, около травка серебреная, вѣсу три фунта.

Кубокъ чеканной ложчатой съ кровлею, золоченъ, вѣсу два фунта двадцать три золотника, на достаканное дѣло.

Кубокъ двойной ложчатой, ложки мелкіе и крупные съ репейками, вѣсу три фунта тридцать девять золотниковъ.

Кубокъ двойной чеканной, золоченъ на оба лица, вѣсу семь фунтовъ двѣнадцать золотниковъ.

Кубокъ орѣхъ Индѣйской, кровля и поддонъ и обоймицы серебреные золочены, на кровлѣ человѣкъ съ щитомъ да съ протазаномъ, вѣсу полтора фунта и съ орѣхомъ.

Кубокъ двойной чеканной, золоченъ, вѣсу фунтъ одиннадцать золотниковъ.

Кубокъ ложчатой съ кровлею, на кровлѣ травки нѣтъ, золоченъ, вѣсу фунтъ два золотника.

Кубокъ рѣзной съ кровлею, золоченъ на оба лица, навоженъ красками, вѣсу фунтъ четыре золотника.

Кубокъ серебряной рѣзной съ кровлею, золоченъ на оба лица, навоженъ красками, вѣсу фунтъ три золотника.

Кубокъ серебряной съ кровлею ложчатой, золоченъ на оба лица, на кровлѣ травка, вѣсомъ фунтъ полчетверта золотника.

Бархатъ рытой по багровой земли, травы черной шолкъ, восемь аршинъ десять вершковъ

Бархатъ рытой, по бѣлой земли травы червчаты, въ немъ [illegible] восемь аршинъ съ четью

Бархату рытого, по червчатой земли травы черные, семь аршинъ съ четью

Два косяка бархату желтого рытого [illegible]

[illegible] отрѣзки [illegible]

Отрѣзокъ бархату желтого гладкого, два аршина два вершка

Отрѣзокъ бархату желтого гладкого, три аршина три вершка

Отрѣзокъ бархату лазоревого гладкого, два аршина семь вершковъ

Отрѣзокъ бархату [illegible] гладкого, три аршина безъ двухъ вершковъ

Отрѣзокъ бархату лазоревого гладкого, аршинъ шесть вершковъ

Отрѣзокъ бархату желтого, два аршина десять вершковъ

Въ трехъ косякахъ бархату черного, два аршина два вершка

Отрѣзокъ бархату червчатого [illegible], аршинъ два вершка

Отрѣзокъ бархату [illegible], три аршина безъ вершка, да въ немъ два косяка того же бархату съ [illegible]

Отрѣзокъ бархату рытого, по червчатой земли травы желтые, три аршина шесть вершковъ

Косякъ бархату, по червчатой земли травы желтые

Отрѣзокъ бархату [illegible], два аршина одиннадцать вершковъ

Отрѣзокъ бархату желтого, аршинъ

Отрѣзокъ [illegible], три аршина пять вершковъ

Бархату три косяка [illegible]

[illegible] и серебряные.

Атласъ золотной по червчатой земли въ двухъ косякахъ четыре аршина съ четью, травы розныхъ цвѣтовъ

Атласъ [illegible] по желтой земли травы золотые, въ немъ [illegible] аршинъ безъ четверти

Атласъ по серебряной земли травы золоты съ шолкомъ съ [illegible] и съ [illegible] въ немъ восемь аршинъ шесть вершковъ

Атласъ [illegible] земли травы золотые съ шолкомъ, [illegible] до червчатой въ немъ десять аршинъ безъ вершка

Атласъ по червчатой земли травы золотые съ серебромъ, въ четырехъ косякахъ, семь аршинъ безъ двухъ вершковъ

Лоскутъ атласу золотнаго по червчатой землѣ, травы золотые съ серебромъ, въ длину аршинъ два вершка, поперегъ полъ аршина неуступно.

Того жъ атласу три клинчика.

Атласу аршинъ съ вершкомъ по лазоревой землѣ травы золотые.

Остатокъ атласу по вишневой землѣ травы золотые, въ мѣрѣ аршинъ безъ двухъ вершковъ.

Остатокъ завѣсу Турецкаго атласа, золотного по червчатой землѣ кушатчатого полосатого, съ разными шолками, въ длину три аршина съ четью, по перегъ два аршина безъ двухъ вершковъ; той же завѣсы кайма, въ длину пять аршинъ безо шти вершковъ, ширина полъ аршина слишкомъ, тоежъ каймы два остатка въ длину по два аршина, въ ширину по полтора вершка.

Атласы гладкіе и остатки:

Остатокъ атласу вишневаго, въ длину по одной кромкѣ шесть аршинъ, а по другой кромкѣ полъ шеста аршина.

Атласъ гвоздичной цвѣтъ, по мѣрѣ девять аршинъ съ четью.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ четырнадцать аршинъ.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ девять аршинъ семь вершковъ.

Остатокъ атласу цвѣтнаго по лазоревой землѣ разныхъ шелковъ, по мѣрѣ два аршина.

Атласъ таусинной цвѣтъ, по мѣрѣ десять аршинъ.

Атласу алаго, полъ сема аршина.

Атласъ вишневой цвѣтъ, по мѣрѣ десять аршинъ.

Атласу свѣтло-лазореваго, по мѣрѣ два аршина два вершка.

Атласу дымчатаго, девять аршинъ.

Атласу таусиннаго, семь аршинъ два вершка.

Остатокъ атласу брусничнаго цвѣту, два аршина десять вершковъ.

Остатокъ атласу лазореваго, по мѣрѣ девять вершковъ.

Остатокъ атласу зеленаго, пять аршинъ три вершка.

Атласу свѣтло-лазореваго, восмь аршинъ.

Атласу вишневаго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго травчатаго, десять аршинъ.

Атласу лазореваго жъ, десять аршинъ.

Атласу алаго, шесть аршинъ шесть вершковъ.

Атласу дымчатаго, девять аршинъ съ вершкомъ.

Атласу чернаго, десять аршинъ два вершка.

Атласу вишневаго, десять аршинъ.

Шарады

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Кафтанико боранье, подъ кумакомъ красныхъ, ветхъ.

Доломанъ возничей красно-вишневой ветчанъ, на немъ тридцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ гладкіе.

Однорядки и верязи:

Однорядка вишневая, ветчана, на ней тридцать пуговицъ золочены.

Однорядка вишневая, на ней семнадцать пуговицъ серебряныхъ золочены.

Однорядка вишневая, ношена, на ней осмнадцать пуговицъ серебряныхъ золоченыхъ.

Однорядка вишневая, на ней тринадцать пуговицъ серебряныхъ позолочены, да на прорѣхѣ одна пуговица корольковая.

Двѣ однорядки поповскіе, что даются къ поставленію ставленикамъ.

Двѣ однорядки больничныхъ старцовъ, ветхи.

Четыре однорядки ветхихъ малыхъ, бывали съ подьяковъ.

Два рукава однорядочныхъ, красно-вишневаго сукна.

Двѣ куртки суконные, красные снурки, шелкъ съ золотомъ.

Верези дорогильные, двоеличные, бывали съ подьяка.

Шапки мужскіе:

Шапка мужская, бархатъ червчатый съ соболемъ, поношена.

Шапка мужская, бархатъ лимонный цвѣтъ съ соболемъ, поношена.

Шапка мужская, бархатъ зеленой, съ соболемъ.

Шапка бархатъ зеленой же, съ соболемъ, мужская, ветха.

Шапенка худенькая съ соболемъ.

Шапенка алая бархатная, съ соболемъ, ветха.

Суды мѣдные и оловянные:

Шесть братинъ мѣдныхъ луженыхъ, гладкихъ и чешуйчатыхъ.

Пять укрупниковъ мѣдныхъ, маленькихъ.

Пятнадцать чарокъ мѣдныхъ луженыхъ съ лепестми.

Пять гривенокъ мѣди красной листовой, два пуда двадцать три гривенки мѣди шкилевой.

Мѣдныхъ всякихъ судовъ вѣсу десять пудъ шестнадцать гривенокъ.

И въ томъ числѣ.

Четырнадцать сковородокъ большихъ съ трубками.

Четыре [illegible], шиты [illegible] и золотом по червчатому бархату

Платокъ [illegible]

Сто три [illegible] серебряныхъ

Десять [illegible]

Четыре [illegible], съ [illegible]

Пуговицы [illegible]

Лоскутъ [illegible], въ длину [illegible], а ширину [illegible]

Лоскутъ [illegible]

Два [illegible], что [illegible], одинъ [illegible], другой [illegible]

[illegible]

[illegible]

Лоскутъ [illegible]

Шесть [illegible]

[illegible]

Два [illegible]

Два [illegible]

[illegible]

[illegible]

Три [illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Пять [illegible]

Тринадцать [illegible]

[illegible]

Полатки:

Полатка полотняная бѣлая, несшита.
Двѣ полы отъ полатокъ суконныхъ разныхъ цвѣтовъ, ветхи.
Семдесятъ семь листовъ желѣза Нѣмецкаго двойнаго.
Три пуда одиннадцать гривенокъ желѣза листоваго.
Сорокъ одинъ листъ желѣза Нѣмецкаго двойнаго бѣлаго.
Семдесятъ семь сошниковъ цѣлыхъ отрѣзовъ.
Вѣкша желѣзная, что воду черпаютъ.
Чепь желѣзная съ крюкомъ.
Желѣза ломанаго всякаго десять пудовъ
Двадцать паръ топоровъ.
Четыре скобели.
Восемь лисицъ красныхъ съ хвостами.
Тридцать песцовъ.

Восемь наволокъ оленьихъ пестрыхъ, четверы канги; а по скаскѣ казначея старца Тихона Обанина да дьяка Парфенья Иванова, тѣ лисицы и песцы и наволоки и канги Патриарша сына боярскаго Петра Сурнина, взяты у него за вину.

Жалованные и послушные и правые грамоты и межевые выписи и всякіе крѣпости:

Грамота жалованная 176 году, на Остараханской учугъ Комызякъ, а данъ той учугъ вмѣсто домоваго учуга Бузана в вѣкъ неподвижно, да к тому жъ учугу Комызяку данъ учугъ Чеганъ и Чота на оброкъ безъ перекупки; печать у грамоты золотая, и та грамота въ ящикѣ бархатномъ червчетомъ.

Грамота жалованная 164 году въ Московскомъ уѣздѣ на село Черкизово, да на деревню Шемякино, да на половину сельца Никольскаго со всѣми угодьи, и съ пустошми; а в то мѣсто взято во дворецъ село Степановское.

Грамота жалованная 162 году, на рыбные ловли что в Костромскомъ уѣздѣ на Волгѣ рѣкѣ.

Грамота жалованная 165 году, въ Казанскомъ уѣздѣ на Закамскіе порожжіе земли по обѣ стороны Майны и Утки рѣкъ по Урень.

Грамота жалованная за красною печатью 162 году, въ Московскомъ уѣздѣ на село Озерецкое да на село Бѣлой растъ з дерев-

Грамота жалованная 171 году, дана въ домъ Пречистыя Богородицы въ Московскомъ уѣздѣ изъ дворцоваго села Островскаго [illegible] деревню съ деревнями и со всѣми угодьи

Грамота жалованная 129 году, что пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы въ Коломенскомъ уѣздѣ въ Левичинской волости [illegible] сельцо Селцо со всѣми угодьи

Грамота жалованная 130 году, что пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы въ Переславлѣ Залѣсскомъ на Переславскомъ озерѣ [illegible]

Грамота жалованная 177 году, что пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы въ Астрахани учугъ Бузанъ со всѣми учужными строеньи безоброчно

Грамота жалованная 179 году, что пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы въ Муромскомъ уѣздѣ въ Стародубѣ [illegible] село Ярышево да полсельца Мартово съ деревнями и съ пустошми и со всѣми угодьи

Жалованная грамота Макарья Митрополита изъ Суждаля Патриаршу [illegible] Дмитровскаго монастыря игумену Пафнутию съ братьею на монастырскую вотчину, на деревню Мавры, [illegible], и та грамота [illegible] подписана Патриархомъ Іосифомъ дана во 150 году

Великаго Государя царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца жалованная грамота 162 году во оно Государевой [illegible] Патриарху на вотчину его Курмышского уѣзда на село [illegible] да на деревню Юрасову въ особь не въ данныя Патриаршие [illegible] что то село [illegible] и деревня Юрасова были въ помѣстьѣ и [illegible] за Степаномъ [illegible] да за Василиемъ Чемодановымъ, у [illegible] [illegible] съ серебромъ [illegible] отдалѣ

Грамота [illegible] Костромской Ипатьевской слободы [illegible] на [illegible] Ипатьевскую слободу, 137 году

Грамота жалованная Новгородскаго [illegible] 141 году

Грамота, что съ Костромы Ипатьевской слободы крестьянъ [illegible] стрѣлецъ [illegible] 139 году, [illegible]

Грамота на Калугу, что въ Патриаршие вотчины [illegible] 99 году

Грамота [illegible] о крестьянехъ, что былъ споръ со [illegible] 147 году

Двѣ грамоты Греческимъ писмомъ: у одной печать серебряная золочена, а у другой свинцовая, въ лагалищѣ въ отласномъ въ красномъ, шито золотомъ.

Грамота послушная 161 году, въ Московскомъ уѣздѣ на село Вельяминово.

Грамота жалованная 134 году, пожаловано въ домъ Пречистыя Богородицы на Москвѣ за каменнымъ городомъ за Никитскими воротами на порожее мѣсто, да к тому порожему мѣсту огородное мѣсто, что было жильца Петра Гурьева.

Грамота жалованная 135 году, что пожаловано Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, архимадриту Діонисію съ братіею въ Сурскихъ водъ мѣсто рыбные ловли на Самарѣ рѣкѣ да въ Волгѣ рѣкѣ.

Грамота жалованная 133 году, что велѣно поповъ и дьяконовъ и всего церковнаго причету причетниковъ судомъ вѣдать на патріаршемъ дворѣ.

Духовная Іева Патріарха, за рукою отца ево Духовнаго священно-инока Ѳеодосія.

Грамота правая 151 году, что дана Благовѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ, архимандриту и съ братіею на село Ватрасъ.

Настольная грамота блаженныя памяти Великаго Государя Святѣйшаго Ѳиларета Никитича Патріарха Московскаго и всеа Русіи за руками и за печатьми.

Грамота жалованная 132 года, Благовѣщенскаго монастыря на Сонарскіе воды.

Грамота правая 129 году, что дана въ домовой Благовѣщенской монастырь на Спаское сѣлище и на бортные ухожья.

Грамота настольная Іоасафа Патріарха за руками и за печатми.

Грамота настольная Никона Патріарха безъ печати.

Двѣ грамоты жалованные 123 году и 124 году, что даны думному дворянину Кузмѣ Минину на Нижегородскую вотчину на село Богородицкое съ деревнями и съ пустошми.

Грамота жалованная безъ печати 162 году, какова была дана Никону Патріарху въ Новгородскомъ уѣздѣ на село Валдаи.

Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержца жалованая грамота 162 году, за ево Государевою красною вислою печатью, Никону Патріарху на вотчину Курмышскаго уѣзда, на село Онтоново да на деревни Юрьевку въ особь, а не въ домовые Патріарши земли,

своихъ пустошей вымѣнилъ онъ у Іосифа Патріарха въ Московскомъ уѣздѣ церковную землю пустошь Ильинское 160 году.

Мѣновная запись 154 году, что промѣнилъ боярнъ Борисъ Ивановичь Морозовъ Іосифу Патріарху купленую свою вотчину въ Московскомъ уѣздѣ въ Сетунскомъ стану село Аминево и пустошь Вороново со крестьяны и со всѣми угодьи на Патріаршу домовую вотчину въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ городскомъ стану, на сельцо Юрьево съ деревнями и съ пустошми; подъ тою записью три кабалы на Офонку да на Карпушку Ивановыхъ дѣтей Кузминыхъ 147 году.

Выпись межевая, дьяка Ѳедора Торопова да Троицкаго старца Инокентія Ларіонова, Троицкой пустоши Климовской Черепково тожъ да пустоши Савинской, 155 году.

Купчая Василья Иванова сына Шереметева, что онъ продалъ въ домъ Пречистыя Богородицы Іосифу Патріарху въ Звѣнигородскомъ уѣздѣ вотчины своей отхожіе земли и сѣнныхъ покосовъ деревни Уборы въ Гущицахъ середи луговъ, 156 году.

Купчая 162 году, что Ортемей Ивановъ сынъ Агибаловъ продалъ Никону Патріарху вотчину свою въ Курмышскомъ уѣздѣ въ подгородномъ стану сельцо Симоново Обыковко тожъ съ препущеною пустошью Шепыренкою со крестьяны и со всѣми угодьи.

Закладная запись Микиты Воинова сына Пушкина, что онъ занялъ у Іосифа Патріарха сто рублевъ денегъ, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ онъ въ домъ Пречистыя Богородицы Іосифу Патріарху купленую свою вотчину пустошь Красную въ Московскомъ уѣздѣ въ Сетунскомъ стану на рѣчкѣ на Новишкѣ 155 году.

Запись Перфильия Оверкіева, что ему Перфилью о вотчинѣ своей Костромскаго уѣзда о погостѣ Никольскомъ о поворотѣ не бить челомъ, 158 году.

Закладная боярина Князя Никиты Ивановича Одоевскаго, что онъ заложилъ Патріарху Іосифу вотчину свою въ Московскомъ уѣздѣ деревню Посникову.

Книги межовые Борисоглѣбскаго монастыря, что въ Переяславлѣ.

Три ссудные съ отпускными на Кириловскихъ людей Супонева.

Кабала, что занялъ Ѳедоръ Ворфоломѣевъ сынъ Тороповъ у Патріарха Іосифа денегъ триста рублевъ, а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ въ домъ Пречистые Богородицы вотчинные пустоши въ Московскомъ уѣздѣ: пустошь, что была деревня Лыгина, да пустошь, что была деревня Ноузова со всѣми угодьи, 156 году.

Купчая на Степановское съ пустошми, 152 году.

конь по патріархи крестьянина на Никиты Сергѣева в двѣ рублевъ. 151 году

Кобыла вымянка старая Левко до дьяка Григорья Одинцова по патріархинъ крестьянъ на Мамаѣ Семенова въ двѣ рублевъ, 153 году

Кобыла вымянка старая Ивана до дьяка Григорья Одинцова по патріархинъ крестьянъ на Тимофеѣ Шубина въ двѣ рублевъ, 153 году

Пѣгая дьяка Семена Тимоѳеева сына Потапова на Князя Дмитріева Иванова сына Межерского въ трехъ рублевъ, 155 году

Кобыла Саввинъ на Петровъ на Матвѣя Елизарова сына Корниловскаго въ двѣ рублевъ, 155 году

Кобыла ея же Саввинъ на Ивана Кузмина сына Рогатина въ двѣ рублевъ, 155 году

Кобыла ея же Саввина на Володимера Третьякова сына Григорьева въ рублѣ, 155 году

Кобыла ея же Саввина на Петра Осипова сына Григорьева, да на Ивана Петрова сына Григорьева въ двѣ рублевъ, 155 году

Лошадь ея же Саввина на Матвѣя Елизарова сына Корниловскаго въ рублѣ 154 году

Пѣгая ея же Саввина на Иванъ Иванова сына Бѣлкина в рублѣ, 156 году

Кобыла ея же Саввина на Петра Никифорова сына Андреева въ двѣ рублевъ, 155 году

Кобыла ея же Саввина на Ондрѣя Иванова сына Григорьева въ рублѣ 155 году

Кобыла ея же Саввина на Степана Гаврилова сына Бѣлкина въ рублѣ 155 году

Пѣгая ея же Саввина на Михаила Григорьева сына Всеволожскаго въ рублѣ 155 году

Пѣгая ея же Саввина на Семена, да на Ивана Сабанѣевыхъ въ двѣ рублевъ, 155 году

Кобыла ея же Саввина на Ларіона Всеволожскаго въ рублѣ 155 году

Кобыла ея же Саввина на Семена Андреева сына Филимонова да на Кондратья Семенова сына Филимонова въ двѣ рублевъ, 155 году

Пѣгая ея же Саввина на Ларіона да на Никифора Всеволожскихъ въ рублѣ 155 году

Пѣгая ея же Саввина на Лаврентья Михайлова сына Сабанѣева въ рублѣ 155 году

Кабала его жъ Савинова на Степана Корякинского, да на Семена Рагозина въ рублѣ, 155 году.

Заемная память на Ларіона Агаркова въ патріаршихъ в келейныхъ в заемныхъ деньгахъ въ десяти рублехъ, 147 году, его Ларионова рука.

Заемная память на Ивана Михайлова сына Манамахова 146 году, въ патріашихъ келейныхъ деньгахъ въ пяти рубляхъ.

Заемная кабала на Ивана Афанасьева сына Кокошилова 148 году, въ заемныхъ келейныхъ деньгахъ въ десяти рубляхъ.

Заемная память на Ларіона Агаркова, да на Ивана Уварова въ келейныхъ же въ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 148 году.

Заемная кабала на Якова Афанасьева сына Жемайлова въ келейныхъ же зъ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 148 году.

Заемная кабала на денежнаго мастера на Никифора Иванова сына Ключарева, въ заемныхъ деньгахъ Андрѣя Осипова сына Жемайлова въ четырехъ рублехъ, и въ тѣхъ деньгахъ Микифоръ заложилъ дворъ свой 146 году.

Заемная кабала Андрея жъ Жемайлова на того жъ Микифорка въ четырехъ рубляхъ 146 году; а въ тѣхъ деньгахъ заложилъ дворъ свой.

Заемная память 145 году, на Ивана Максимова сына Строгонова, и на сына его Данила въ патріаршихъ въ заемныхъ деньгахъ во стѣ во шти десяти въ одномъ рублѣ.

Заемная память на Григорья Иванова сына Кафтырева въ патріаршихъ деньгахъ въ десяти рублехъ, 147 году.

Заемная память на Ларіона Софонова на Агаркова въ патріаршихъ въ заемныхъ деньгахъ въ пяти рублехъ, 147 году.

Заемная кабала на Ивана Васильева сына Кафтырева и на сына ево Григорья въ патріаршихъ въ заемныхъ денгахъ въ тритцати рублехъ, 147 году.

Заемная кабала на Ивана Максимова сына Строгонова и на сына ево Данила въ патріаршихъ въ келейныхъ въ деньгахъ трѣхъ стахъ въ пятидесяти рублехъ, 145 году.

Заемная память на Стефана Семенова сына Микитина Іоасафа патріарха въ келейныхъ въ заемныхъ деньгахъ въ дву рублехъ, 147 году.

Запись Бѣлозерца Романа Дмитріева сына Внукова, съ стрѣмянным конюхомъ съ Иваномъ Тонково 144 году, о роздѣлѣ Ростовского поместья сельца Богородицского.

Запись на гостя на Михайла Гурьева сына Назарьева, в откупных

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Цата сканная съ финифтомъ, вѣсу, въ ней осмьнадцать золотниковъ.

Посохъ Великаго Государя Святѣйшаго патріарха Филарета Никитича, рога и трубки серебряные позолоченые, чеканные.

Посохъ серебреной сканой съ финифтью, яблока угловатые съ камени.

Посохъ раковинной.

Клобуки:

Два клобука бѣлые, на одномъ три херувима жемчюжные с трунцаломъ, на другомъ другой херувимъ жемчюжной же.

Клобукъ бѣлой поношеной безъ херувимовъ.

Клобукъ бѣлой, на немъ три херувима, низаны жемчюгомъ.

Два клобука бѣлыхъ безъ херувимовъ.

Мантіи:

Мантія обьерипная таусинная ветха, подложена тафтою двоелишною.

Мантія маленкая, камка зеленая.

Ряска обьеринная зеленая мелкотравная, подложена тафтою двоелишною.

Ряска обьярь таусинная, подъложена дороги зелеными.

Ряска отласъ черной ветха, подкладка тафты дымчатой цвѣтъ.

Ряса бархатъ зеленой, подложена тафтою двоелишною, подпушка отласъ вишневъ.

Кафтанъ отласъ зеленой, подкладка ниткалинная, подпушка тафта лазорева.

Кафтанъ бѣлей черевей, покрытъ камкою зеленою, ветхъ.

Шуба песцовая, покрыта камкою черною, по подолу по полусоболю.

Чотки:

Чотки хрустальные, въ промѣшкахъ шесть араматниковъ въ золотѣ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ шолкомъ зеленымъ.

Чотки королковые, промежъ ихъ три лала, да въ концехъ яхонтъ лазоревой, ворворка жемчюжная, кисть золотная.

Чотки шадровые, въ нихъ семь королковъ красныхъ, двѣ ворворки жемчюжные, кисть золото съ зеленымъ шолкомъ.

Ширинки:

Ширинка тафтяная бѣлая, накищена золотомъ, рещетчета, жемчюгомъ пронизано.

Ширинка тафтяная, накищена золотомъ, съ круживомъ плетенымъ, въ круживѣ гнѣзды жемчюжные.

[illegible] серебряна [illegible].

Два [illegible] серебряные [illegible], одна [illegible], [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible]

[illegible] серебряное [illegible], [illegible] въ [illegible]

[illegible] серебряная [illegible], [illegible]

Солнце серебряное, а въ [illegible] [illegible]

[illegible] серебряная с [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] с [illegible] безъ трубы, [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] серебряной [illegible].

[illegible] [illegible] серебряная

[illegible], на ней [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] серебра, [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] серебряной [illegible] съ [illegible] [illegible]

Три [illegible] [illegible] от [illegible], серебряные [illegible]

[illegible] [illegible]

Два [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] до [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] съ [illegible], [illegible] по [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

Два [illegible] [illegible], [illegible] съ [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] съ [illegible] на [illegible] [illegible].

[illegible]

[illegible] на [illegible] [illegible] [illegible], на [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible].

Тюпакъ бунажной.
Тюпакъ кожаной.
Очки въ лагалищѣ раковомъ.
Четверы очки въ серебреныхъ лагалищахъ золочены.
Пятые очки въ лагалищѣ серебреномъ.
Шестые очки въ коженомъ лагалищѣ.
Хрусталь, длина в вершокъ.
Гребень роговой.
Зеркало стѣнное Нѣмецкое з затворы.
Зеркало стѣнное небольшое.
Ѳата пестрединная.
Кисть отъ шляпы золотная.
Ножъ черенъ костяной бѣлой.
Ножъ черенъ рыбей.
Подволока Немѣцкихъ кожъ.
Коврикъ неболшой.
Часы боевые мѣдные, гири свинцовые.

Въ сѣняхъ деревяныхъ на лавкѣ и на коникѣ полавошники суконные зеленые.

Въ кельѣ передней деревянной кругомъ по лавкамъ полавошники суконные зеленые.

Въ верху въ каменныхъ полатахъ домовое.

Икона ветха, Трехъ Святителей Вселенскихъ, рѣзная, съмостичена вся, а неписана.

Часословъ, печать Московская въ четверть.

Книга въ полдесть латынскаго языка.

Шесть списковъ литоргейные службы Ивана Злотоустаго.

Семь книгъ въ бѣлыхъ кожахъ, болшіе печатные на Латынскомъ языку, и въ томъ числѣ по скаскѣ Старца Арсенія Грека, книга описаніе всеа земли, книга описаніе жъ всѣхъ частей поморскіе земли, двѣ книги космографіи третье части, одна съ прибавкою, книга вторая часть земли космографіе жъ, двѣ книги четвертой части той же космографіи.

Уставъ писмяной, въ десть, ветхъ, въ доскахъ.

Книга писмяная Греческое писмо Григорія Анзианского.

Грамота, какова послана къ Великому Чюдотворцу Ѳилипу отъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца.

[illegible]

Грабли

[illegible]

Столы:

Доска столовая каменная, въ длину сажени въ полторы.
Столъ каменной.
Въ девяти бумашкахъ безую.
Семь кистей птичихъ отъ запаны.
Пила.
Восмь столбиковъ да верхъ золоченой от часовъ, маятникъ яшмовой.
Орехъ тощой.
Ящикъ деревяной, а въ немъ вѣски.
Три мѣста серепетинныхъ.
Трубка малая.
Торелочка хрустальная.
Чертежъ, часть Европія.
Ящикъ съ лекарствомъ, запечатью околничего Родіона Матвѣевича Стрешнева.
Шкатуна, а въ ней двѣнадцать ящиковъ, оболочено кожею.

Полотенцы:

Одиннадцать полотенецъ косматыхъ полотняныхъ.
Три полотенца полотняные.
Пять полотенецъ кисейныхъ бѣлыхъ.
Два полотенца черныхъ кисейныхъ.
Полотенечко Турское ветчаное кисейное, двоелишное, кругомъ снурокъ золотной.
Пятдесятъ бѣлыхъ полотенецъ и платковъ.
Пять полотенецъ, шиты золото съ шолкомъ.
Десять полотенецъ, шиты однимъ золотомъ.

Платки:

Платокъ кисейной, обрубленъ кругомъ снуркомъ золото съ шолкомъ.
Два платочка кисейныхъ.
Два платочка, шиты шолкомъ.
Ножикъ Немѣцкой, выломанъ черенъ, обложенъ серебромъ, серебро изято.
Связни, лошка да ножикъ.
Ложка серебряная, на ней подпись отдана вкладу Пречистые Богородицы въ Иверской монастырь.
Ложка раковинная.
Каменья резные, и бирюзы и хрустали.

Сто [illegible] [illegible] [illegible]
Сто [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] большихъ и середнихъ и [illegible]
[illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] большихъ и середнихъ и [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible], да [illegible] [illegible]
Серебра [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] серебряной [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] Архимандрита [illegible], а далъ его въ монастырь.

[illegible] [illegible] [illegible]

С[illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible], [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] Троицкая
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

И что [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible] [illegible] указу великаго Государя Царя и Великаго Князя [illegible] [illegible] [illegible] всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], а [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] Грамотою.

[illegible] [illegible] [illegible]

Три [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], да [illegible] [illegible], да [illegible] [illegible], [illegible] серебромъ [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] въ [illegible]
Образъ [illegible] [illegible], серебро [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] въ [illegible] [illegible], а въ [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible]
Образъ [illegible] Троицы [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
Образъ [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
Образъ [illegible] [illegible], [illegible] серебряной [illegible]
Образъ [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Образъ Николы Чюдотворца, писанъ на празеленѣ, вѣнецъ чеканной серебреной.

Образъ Ивана Богослова, окладъ серебрянъ чеканенъ.

Образъ Филипа Митрополита, писанъ на золотѣ.

Икона малая, а на ней вырѣзанъ образъ Живоначальныя Троицы.

Образъ Спасовъ, на золотѣ.

Образъ Спасовъ, недописанъ.

Икона Спасова, писана на харатьѣ.

Образъ Пречистые Богородицы, въ кіотѣ, рѣзной, писанъ на золотѣ.

Двѣ иконы Пречистыя Богородицы, писмо Греческое, въ кіотахъ.

Кресты:

Крестъ складной рѣзной, на немъ писаны праздники двунадесятые.

Два креста большихъ самыхъ кипарисныхъ неписаны.

Двѣ иконы большихъ, которые писаны къ большому кипарисному кресту, на одной цкѣ Царь Константинъ, да Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи Самодержецъ, да Великій Господинъ Святѣйшій Никонъ Патріархъ, а на другой цкѣ мать Царя Константина Царица Елена да Государыня Царица и Великая Княгиня Марья Ильинична да благовѣрный Государь Царевичь и Великій Князь Алексѣй Алексѣевичь.

Двѣ цки кипарисные, а на нихъ назнамяненъ: на одной цкѣ блаженные памяти Великій Государь Царь и Великій Князь Михайло Федоровичь всеа Русіи, а на другой цкѣ Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичь всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, поясные.

Ларчикъ дубовой, а въ немъ мощи святыхъ, полонъ, да въ томъ же ларчикѣ обогнутъ хрусталь большой въ серебрѣ, да въ томъ же ларчикѣ лукошечко, а въ немъ мощи святыхъ же, поставлены въ бѣлой коробкѣ.

Пелена, а на ней шитъ образъ Пречистые Богородицы, обнизанъ жемчюгомъ мѣлкимъ.

Четыре пелены образные шитые.

Митра старая, да съ другія митры спорокъ, а на нихъ утвари никакіе нѣтъ.

Книга Арсенія философа, въ полдесть

Книга прологовая, въ десть.

Книга Григорія Богослова, въ полдесть.

Книга Василія Кесарійскаго слово о Святомъ Дусѣ, въ десть

Книга толкованіе Ѳеодорита Епископа Тирскаго, въ десть

Книга Дѣяніе Апостольское, въ десть.

Книга житіе Аполлонія Филострата, въ полдесть.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе Евангельское, въ десть

Книга Минѣя мѣсяцъ Генварь, въ полдесть.

Минѣя мѣсяцъ Октябрь, въ полдесть.

Тріодь постная, въ полдесть.

Книга Василія Великаго сказаніе на пророчество Исаіино десть.

Книга Философская Космина, въ полдесть

Книга Канонникъ, въ полдесть

Книга Философская Порфирія, въ полдесть

Книга Слово Слово Исаака, въ полдесть.

Книга Евсевія пресвитера, въ полдесть.

Книга Посланія различныя, въ десть.

Книга Греческая четвертаго Евангелиста, въ десть.

Книга Григорія Богослова на Святую Пасху, въ десть.

Книга [illegible], въ полдесть.

Книга Евангелиста Матѳея толкованіе, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго, въ десть.

Книга Льва Философа, въ десть.

Книга житіе Евангелиста Матѳея, въ десть.

Книга Великаго Василія, въ десть.

Книга Іоанна Златоустаго, въ десть.

Книга Соборникъ, въ десть.

Книга Дорофея, въ полдесть.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе, въ десть.

Книга Аѳанасія Великаго, въ полдесть.

Книга Іоанна Златоустаго толкованіе, въ десть.

Книга Никифора [illegible], въ десть.

Книга Ѳеодорита [illegible], въ десть.

Книга мѣсяцъ Май, въ десть.

Книга Василія Великаго

Книга Льва Философа, въ малъ десть.

Книга Шестодневъ, въ полъ десть.
Книга Нила монаха, въ десть.
Книга о толкованіи Святыя Литургіи, въ полъ десть.
Книга Лѣственникъ, въ десть.
Книга Андрея Критскаго, въ десть.
Книга Нила на осмь духовъ лукавыхъ, въ десть.
Книга Псалтырь толкованная, въ десть.
Книга Василія Великаго толкованная, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго толкованная, въ десть.
Книга Василія Новаго, въ полъ десть.
Книга Философа Аѳинистрита, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго седмидесяти дней, въ десть.
Книга о постничествѣ, въ десть.
Книга Ескефилима Архіепископа, въ десть.
Книга Григорія Богослова, въ десть.
Книга Василія Великаго о посничествѣ, въ десть.
Книга Феодорита Студицкаго, въ десть
Книга Евангеліе толковое, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго толкованіе, въ десть.
Книга о Еллинскихъ мудрецахъ, въ десть.
Книга житіе Стефана Новаго, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго о терпѣніи, въ десть.
Книга Псалтырь толковая, въ десть.
Книга Исака Сирина, въ полдесть.
Книга толкованіе Феофана Епископа, въ десть.
Книга Евангеліе толковое, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго о Евангелистѣ Матѳѣ, въ десть.
Книга Евангеліе отъ Луки, въ десть.
Книга Богословская о Божествѣ, въ десть.
Книга учительная оглашенію, въ полдесть.
Книга повѣсть о древнихъ сложеніи, въ десть.
Книга Собраніе Новаго Завѣта, въ десть.
Книга Іоанна Златоустаго толкованіе, въ десть.
Книга Посланіе Іоанна на Матѳея, въ полдесть.

топчютъ. А заповѣдь въ царствѣ такова: кто нейдетъ Шаха встрѣчать отъ семи лѣтъ да по осьмьдесятъ лѣтъ мужскаго пола и женскаго, того казнятъ смертною казнею, брюхо порютъ. А отъ мосту ѣхать промежъ сады жъ дорога улицею широка, а въ сады ворота такъ же часты, и золотомъ писаны, и надъ вороты полаты и крыльца золотомъ же писаны, и поѣхали. По обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ двѣ мечети каменные, а въ нихъ писано красками, а отъ правой руки изъ мечети вышли навстрѣчу ихъ мулны и кешиши, а по нашему попы, и вынесли что кіотъ, а въ ней кумиръ ихъ написанъ; и тутъ Шахъ прикладывался, а мулны и кешиши стоятъ и поютъ, а свѣчи у нихъ горятъ въ рукахъ высокіе, велики въ аршинъ и въ полтора, а одинъ конецъ у свѣчь тонокъ а другой толстъ, и всякими красками крашены красною, и зеленою, и лазоревою, и желтою, и бѣлою, а зажигаютъ ихъ съ тонкого конца. И противъ тое мечети на лѣвой рукѣ сада другая мечеть тоже каменная и красками выписана, а въ ней стоятъ на стѣнѣ 4 образа Русскіе: Рождество Христово да входъ во Іерусалимъ, а на другой сторонѣ стоятъ Преображеніе Господне да Богоявленіе, и подпись Русская, а писаны на краскахъ, а образы пядница, а стоятъ выше человѣка, какъ рукою досягнути, а сказываютъ что принесены отъ Грузинскіе земли; да въ той же мечети написанъ на дскѣ ихъ болванъ мужичей образъ, и тутъ лежатъ въ мечети шесты с прапоры, непримѣняя къ тому, чтобы наши хоругви, коли о праздникахъ съ образы носятъ, и у нихъ тѣ шесты носятъ на ихъ праздники и передъ мертвыми, а шесты долги и тонки виноградные, длиною сажень есть по десяти, а какъ ихъ поднимутъ такъ шесты изгибаются, а у нихъ у верху привязана таетица уска и тонка сажень съ пять до полушеста виситъ, а на верху шестовъ что ножицы, или что журавей носъ, желѣзные, а на иныхъ шестахъ крыжи решетчатые и кумилвы. А въ тѣхъ мечетяхъ живутъ и берегутъ Абдалы, и тѣ мечети стоятъ полы и ничего въ нихъ нѣтъ, только поникадила мѣдные, а дѣланы на свое дѣло, и головы змѣиные литы изъ мѣди. И тѣ Абдалы ходятъ по майдану, и по улицамъ, и по рядкомъ, и разсказываютъ про житіе клятыхъ своихъ, какъ жили и скончалися; а ходятъ наги и босы, только закрываютъ у себя срамъ овчиною, и черезъ плечо носятъ овчину же шерстью въ верхъ, а на головѣ носятъ колпаки дурны, а въ рукахъ носятъ палицы и копья и топоры, а въ ушахъ каменье хрустали большіе, а образомъ страшны, что бешеные и дурны; днемъ ходятъ по майдану и по улицамъ, и мало ѣдятъ и пьютъ, а ночью

рутся на майданѣ, и тѣ полки станутъ съ вязьемъ по своимъ полкамъ, и станутъ битися о верблюжью голову Тевризцы съ Испаганцами и бьются великимъ боемъ на коняхъ и пѣшіе, до смерти убиваются, и который полкъ осилитъ и побьетъ, и тотъ полкъ и верблюжью голову возметъ, да и Шаху отнесутъ, и тотъ полкъ Шахъ пожалуетъ. А кто на тотъ бой нейдетъ, и про тѣхъ людей сказываютъ Дорогѣ, и тѣмъ людемъ Дорога чинитъ поученіе и заповѣди правитъ; или котораго мужа жена нейдетъ противъ Шаха навстрѣчу, и тѣмъ мужемъ поученіе дѣлаютъ и пѣню правятъ; а въ другіе не пойдетъ мужъ или жена, и тѣхъ Дорога казнитъ. А того празднуютъ по три дни, ни дѣлаютъ ничего и не торгуютъ, и въ набаты бьютъ, и въ трубы трубятъ, и въ суренъки играютъ, и красные яйца продаютъ, и другъ у друга за руки емлютъ и цѣлуютъ, другъ у друга руки емлютъ. А тому празднику какъ пройдетъ недѣля, такъ во всю нощь въ набаты и по литаврамъ бьютъ, и въ суренъки играютъ, и въ трубы трубятъ до 5 часа дни; а въ мечетяхъ ничего не поютъ, и непразднуютъ никакъ опричь игоръ.

А четвертый у нихъ праздникъ байрамъ ошуръ, Ноября по небесному 1 числа да того же мѣсяца по 10 число: ходятъ по два мужика вмѣстѣ на многіе статьи, а сами ходятъ наги и босы, только в однихъ штанахъ, а вымазаны всѣ черною нечтью, и черны всѣ что Арапы, только однѣ зубы знать, а держатъ у себя по каменю въ рукахъ; а ходятъ по майдану и по улицамъ и по рядамъ и по дворамъ, и въ каменьки бьютъ, а говорятъ *ксень ксень таусень*, а говорятъ то безъпрестани, и ходятъ до самого своего праздника 10 дней. А въ самый праздникъ ходятъ по майдану и по улицамъ, а носятъ гробы изукрашены мѣдью паздерою, и оловомъ, и стеклы; а предъ тѣми гробы на верблюдахъ ѣздятъ робята наги, и сидятъ головою къ хвосту, а вопятъ тоже *ксень*; да предъ гробами же носятъ долгіе шесты, что про нихъ выше сего писано; да предъ гробами же водятъ кони осѣдланы со всею збруею, и шеломъ и латы сагадакъ и сабля и копье носятъ; да два маненькихъ ѣздятъ на коняхъ наги, а тѣло у нихъ и голова и лицо все кровію вымазано, а на иной лошади ѣздитъ мужикъ нагъ, бораньею кожею сырою обволоченъ шерстью къ тѣлу а сырымъ вверхъ, да стрѣла продѣта сквозѣ кожу на хрѣптѣ; да предъ тѣми же гробами возятъ на ишакѣ нарядnаго мужика сдѣланъ мѣхомъ, да набитъ соломой, и сагадакъ и стрѣлы сдѣланы изъ лучины, а на головѣ колпакъ съ кистью, а со сторонъ поддерживаютъ, чтобы не упалъ, и ему ругаются и плюютъ на него, а все

А платье Персы и Кизылбаши носятъ каѳтаны озямные киндячные и дорогильные и кутняные, а поясы кругъ себя носятъ великіе кушаки, а по верхъ кушаковъ шалы вишневы, а на головахъ челмы, на ногахъ чюлки да башмаки.

А жонки ходятъ закрывшеся въ тонкіе миткали, лицъ и глазъ невидать, а на ногахъ тѣже чюлки суконные и башмаки, а у иныхъ бархатные чюлки, а у тѣхъ жонокъ и у дѣвокъ штаны, а косы плетутъ долги до пояса и до пятъ, а плетутъ косы у иной двѣ и три и четыре, и въплетаютъ въ косы чужое волосье, тѣмъ ся красятъ, а въ ноздряхъ кольца золотые с каменіемъ и съ жемчюги, а исподнее платье каѳтаны уски и пелки наги, а по грудямъ и около шеи и по тѣлу низанъ жемчюгъ на нитяхъ. А Персы и Кизылбаши зовутъ ся бусурманы; а женъ держать по двѣ и по три и по пяти и по семи, сколко кто хочетъ и съможетъ.

А что Аврамляне были у Шаха на встрѣчѣ, и тѣ Аврамляне образомъ смирны, бороды у всѣхъ велики, а волосомъ черны, а платье на себѣ носятъ широко, а цвѣтомъ кирпичнымъ на всѣхъ, а дѣлано изъ верблюжья волоса, а на головахъ носятъ челмы, а ноги босы, штаны носятъ всего до колѣна; а на женахъ платье желто, дѣлано изъ тое же верблюжьи шерсти. А сказываютъ что они вѣруютъ во Авраама, и зовутся Аврамляне; а кто у нихъ умретъ, и того мертвеца поставятъ у своей мечети и подопрутъ его вилами подъ горло, чтобъ не упалъ, и стоитъ по та мѣста, какъ прилѣтитъ птица и выклюнетъ глазъ; и буде выклюнетъ правой, тотъ у нихъ угодилъ тому, въ кого вѣруютъ, а лѣвой выклюнетъ тотъ неугодилъ; и ихъ хоропятъ въ землю.

А что въ Испагани Мултанѣи, а по нашему языку Индѣйцы, и у нихъ разные вѣры, иные держутъ бусурманскую, а иные вѣруютъ въ солнце; какъ солнце станетъ восходить такъ они солнцу молятся.

А у иныхъ Индѣйцевъ со лбу переносье у носа мажутъ желтою краскою; и тѣхъ Индѣйцевъ кто умретъ, и того вывозятъ за городъ и за посады на полѣ, и сожгутъ его на дровахъ, и пепелъ развѣютъ; а говорятъ тотъ де пошолъ на небо, а называются тѣ Индѣйцы христіанами. А платье всѣ Индѣйцы носятъ миткали бѣлые и челмы на головахъ бѣлые жъ, а родомъ не дородны, и лицемъ блѣдны и сухи и черноваты. А Жидовя платье носятъ вишнево на всѣхъ мужики и жонки, а по подолу кругомъ обложено, а на головахъ у иныхъ челмы, а у иныхъ шапки, что клобуки, а у женокъ на головахъ желтые большіе платы, а лицъ незакрываютъ; а родомъ плоски, бороды велики и ли-

изя тѣло возлюбленнаго своего Государя и тайно сохрани его на мало время, и ускори к благовѣрной Княгинѣ Еупраксіи, каза ей яко нечестивый царь Батый убилъ блаженнаго Князя Ѳедора Юрьевича. Блаженная же Княгини Еупраксеа царевна, стоя в превысоцемъ храмѣ своемъ и держа любезное чадо свое Князя Ивана Ѳедоровича постника, услыша таковы смертоносныя глаголы и горести исполнены, и абие ринувся с превысокаго храма своего на среду земли и з сыномъ своимъ со княземъ Иваномъ, и заразися до смерти. И услыша Князь Великій Юрьи Ингоревичь убіеніе возлюбленнаго сына своего Князя Ѳедора Юрьевича, и иныхъ Князей нарочитыхъ и людей много побилъ безбожный царь Батый, и нача вѣлми плакатися и с великою Княгинею и с братіею, и плакашася весь градъ Резанскій на многъ часъ дни едва отдохнуша отъ великаго плача и рыданіа, и посла вскоре во градъ Владимеръ к великому Князю Юрью ко Всеволодовичю Владимерскому, прося помощи у него на безбожнаго царя Батыа, или бы самъ пошолъ. А самъ Князь Великій с братьею взборе начаща совокупляти войско свое и укрѣпляти. Князь Великій Юрій Всеволодичь Владимерской самъ нендяше, непослуша совѣта Резанскаго, хотя сотворити о себе брань з Батыемъ, но противу гнѣву Божію хто постоитъ, страха и трепету сия вся нанде грѣхъ ради нашихъ. Князь Великій Юрій Ингоревичь Резанской и з братіею, услыша яко несть ему помощи ото Князя Юрья Всеволодича Владимерского, и воздѣ руцы на небо со слезами рече: измии насъ от врагъ нашихъ Боже и от востающихъ на ны избави насъ, и покры насъ отъ сонма лукавнующихъ на ны, избави насъ отъ творящихъ беззаконіа, буди путь ихъ тма и ползокъ, непопусти Господи сему окаянному владѣти Рускою землею и намъ рабомъ твоимъ недай в волѣ его быти. Князь Великіи Юрьи рече братіи своей и всѣмъ сродникомъ: о господія моя братія, аще от руки Господня благая пріяхомъ, то злая ли нестерпимъ, лутши намъ смертью живота собѣ купити, за святыя Божіи церкви и за вѣру крестьявскую смерти вкусити, а неже в сего окаяннаго царя воли быти, изъпіемъ чашу смертную за вѣру крестьянскую и за отчину отца нашего Великаго князя Игоря Святославича. И поидоша в соборную и Апостольскую церковь и плакашеся пред образомъ милостива Вседержителя и пречистой Его Матери Одигитріе, юже принесе Епископъ Ефросинъ изъ за святыа горы, и моля великаго Чюдотворца Николу и сродникъ своихъ Бориса и Глѣба, и прощаяся у гроба отца своего Великаго Князя Игоря Святославича, и дая послѣднее цѣлованіа великіи Княгини и прочимъ княгинямъ сродникъ своихъ, и пріимъ благословеніе от епископа и пріимъ прощеніе от всего мира; и поидоша противу нечестиваго царя Батыя, и срѣтоша его близъ предѣлъ Резанскихъ и наподоша на нь, и начаша битися крѣпко и бысть сѣча зла и ужастна, много бо бьяшася на многъ часъ, и многіа сильные полки Батыевы падоша. Царь Батый видя что господство Резанское крѣпко и мужественно бьяшась и воз-

о чадѣхъ, ни чадомъ о отцѣхъ и о матерѣхъ, ни брату о братѣ, ни ближнему роду; но вси вкупе мертвіи лежаша, сія вся наведе Богъ грѣхъ ради нашихъ. А безбожны царь Батый видя веліе пролитіе крови хрестьянскія и возярися зѣло и огорчиста, и поиде на градъ Суздаль и Владимиръ, хотя Рускую землю попленити и вѣру крестьянскую изкоренити и церкви Божіа до останка разорити.

И нѣкій от велможъ Резанскихъ именемъ Еупатій Коловратъ, и в тѣ поры былъ в Черниговѣ земли подать своего Государя Великаго Князя Ингоревича Резанского, услыша приходъ безбожнаго царя Батыя, что идетъ со многими силами на Рускую землю; и иде из Чернигова вборзе малою дружиною, и вскорѣ пригна в землю Резанскую, и видя ея опустѣвшу, грады разорены и церкви пожжены и люди побиты, и пригна ко граду Резани, и виде градъ разоренъ, Государи побиты, множества же народа лежаше, овіи побіены и посѣчены, и ины пожжени, а иии в рѣци истоплены, и воскричавъ в горести душа своеа и разпалаясь во сердцы своемъ, и собра мало дружины тысящу и сеньсотъ человѣкъ, которыхъ Богъ соблюде, быша внѣ града; и погна в слѣдъ безбожнаго царя Батыа, хотяше пити смертную чашу съ своими государьми равно, и едва угнаша его. И внезапу на станы безбожнаго царя Батыа нападоша и нача сѣчи без милости и сметоша вси полки Татарскіи; Татарове же стояше яко пьяніи или неистове, и Еупатии же тако сѣчаше ихъ яко и мечи притупишася, и емляше мечи Татарскіа, полки проѣзжая и бьяша ихъ нещадно, и ѣздя по полкомъ храбро и мужественно яко и самому царю возбояшуся. И едва поймаша от полку Еупатьева пять человѣкъ воинскихъ изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ко царю Батыю, и царь Батый нача ихъ спрашивати коея вѣры естя и коея земля и что мнѣ много зла сотворили еста; онѣ же рѣша вѣры хрестьянскіе всѣ, а раби Великаго Князя Георгіа Ингоревича от полку Еупатья Коловрата посланіи всѣ от Князя Ингоря Ингоревича Резанского тебе силна царя почтити и честно проводити и честь тобѣ воздати, да неподиви царю неуспевати наливати чашъ на велику силу Татарскую. Царь же подивився отвѣту ихъ мудрому, посла шурина своего Таврула на Еупатіа и с нимъ силные полки Татарскіа; Таврулъ же похвалился предъ царемъ, и хотя Еупатіа жива предъ царя привести: и ступишася многіе полки Татарскіе и хотя Еупатіа жива взяти; Таврулъ же съѣхася съ Еупатіемъ, и Еупатеи же, исполинъ силою, наѣхавъ на Таврула и разсѣче его на полы до сѣдла, и начаша сѣчи рать Татарскую, овыхъ на полы пресѣкая, а иныхъ до коня разсѣкоша, и многихъ нарочитыхъ ту побиша. Татарови же возбоящася видя Еупатіа крѣпка исполина, и наводиша на Еупатіа множество саней с нарядомъ и едва одолѣша, и понесоша его предъ царя мертва. Царь Батый посла по мырзы и по князи Ординскіа и по санчакбѣи

Ингоревичь Красной, и братъ его Князь Давыдъ Игоревичь Муромской, и братъ ево Князь Давыдъ Ингоричевъ Коломенской, и Всеволодъ Пронскій и ини Князи мѣстныа воеводы и крѣпкіа и многіе удалцы и резвецы воспитаніе и узорочье Резанское лежаше на земли пусти, на травѣ ковылѣ не кимъ брегомы, и от звѣрей тѣлеса ихъ снедаемо и от множества птицъ разтерзаемо, вси бо купно умроша и едину чашу смертную пиша. Видя же то Князь Ингварь Ингоревичь и возопи горкимъ гласомъ, велми ревыи, слезы от очію изпущающи яко струю силну, утробою разполающи, в перси рукама бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органь сладко вѣщающе. И рече сице: о милая моя Государья братья, како успе животе мои драгій, нене единаго сира остависта в толицѣ погибели суща, почто азъ прежъ васъ неумрохъ, како заиде свѣте очію моею, гдѣ отшли есте сокровище живота моего, почто не промолвыте ко мнѣ цвѣте мои, и прекрасныи виногради мои многоплоднии уже не подасте сладость души моея, чему государи невоззрите ко мнѣ и непромолвите со мною, ужли забыли естя брата вашего единого отца рожденного Великаго Князя Ингоря Святославича и единымъ сосцомъ воздоеннымъ честнаго плода и святые утробы матери нашеа Великіа Княгини Агрипѣны Розстиславны, многоплоднаго винограда уже неподасте сладости души моей, кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящіа, мѣсяцъ мой краснои скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано зашли есте, гдѣ честь и слава ваша, многимъ землямъ государи были есте, а нынѣ лежите на земли пусти никимъ брегомы, ни чти приемлемо, измѣни бо ся ваша слава, и зракъ лица вашего премѣнися во истлѣніа. Милая моя братья дружина ласкова уже неповеселюся с вами свѣте мой свѣтлыи, чему порачилися есте, немного бо порадовахся с вами, юность бо не отыде от насъ, а старость непостиже насъ. Аще услышитъ Богъ молитву вашу, то помолитеся о мнѣ братѣ вашемъ, да вкупе умру с вами, за веселье плачь и слезы придоша ми, а за утѣху и радость сѣтованіе и скорбь явися ми, про что азъ прежъ васъ неумрохъ, дабы невидѣлъ смерти вашіе а своеа погибели, не слышате ли господіе бѣдныхъ моихъ словесъ жалосно вѣщающе. О земля, земля, о дубравы поплачите со мною, како нарѣку день той или воспишу его, в онже погибе толико Государей и многое узорочье Резанское храбрыхъ удалцовъ, ни единъ же от нихъ невозвратися вспять; но вси равно умроша и едину чашу смертную испиша, се бо в горести душа моея языкъ мой связаетца, уста загражаютца, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняетца, зракъ отпусмеваетъ, крѣпость изнемогаетъ.

Бысть убо тогда многи туги скорби и слези и воздыханіе и страха и трепета и всѣхъ злыхъ находящихъ на нь грѣхъ ради нашихъ. Князь Великій Ингварь Ингоревичь воздѣ руцы на небо со слезами глаголаша:

ныхъ бесѣдъ нетворяща, срамныхъ глаголъ нелюбяща, злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а со благими всегда бесѣдоваша, Божественныхъ писаній всегда во умиленіи послушаше, ратнымъ же во бранехъ страшни являшеся и многи враги востающи на нь побѣдиша, и во всѣхъ странахъ славно имя имяща, къ Греческимъ царямъ велику любовь имуща и дары от нихъ многія взимаша, и по брацѣ цѣломудренно живяста смотряюща своего спасенія въ чистоѣ совѣсти и крѣпости, и разумно держа земное царьство, а небесному приближаяся, плотнугодія нетворящи, соблюдающи тѣло свое по брацѣ чисто и грѣха не причастна, Государьскій бо санъ держаща, а посту и молитвѣ прележаща, и честь от всего мира пріимаста, а крестъ Христовъ на рамо своемъ ношаста, а святыа дни святаго поста чисто храняста, а по вся святыа посты причастастася святыхъ пречистыхъ таинъ, и многи труды и побѣды по правои вѣрѣ показаша, с погаными Половцы часто бьяшася за Святыа церькви и за православную вѣру, а отчину свою от супостатъ без лености храняща, а милостину неоскудно даяще, и ласкою своею многихъ от невѣрныхъ царей дѣтей ихъ и братію к собѣ приниміаста и на вѣру истинную обращаста.

Благовѣрный Великій Князь Ингаварь Ингоревичь наречѣны во Святомъ крещеніи Козма приде во градъ Резань, сяде на столѣ отца своего Великаго Князя Ингоря Святославича, и обнови землю Резанскую, и церькви постави, и монастыри согради, и пришелцы утеши, и люди многи собра, и бысть радость крестьяномъ, ихъ же избави Богъ рукою своею крѣпкою от безбожныхъ Татаръ. Князь Великій Ингеварь Ингоревичь отпусти Киръ Михаила на отца его отчину, на Пронескъ, Всеволода Пронскаго.

Родъ Поповскій Николы Чюдотворца Зараскаго на Резани.

Первый служитель Еустаѳей, что приниде с чюдотворнымъ образомъ Николинымъ из Корсуня. Вторый служитель сынъ его Еустаѳей же. Третій служитель Прокопей сынъ втораго Еустаѳса. Четвертый служитель сынъ Прокопіевъ Никита. Пятой служитель сынъ Никитинъ Василискъ. Шестой служитель сынъ Василисковъ Захарей Подкинъ. Седмой служитель сынъ его Ѳеодосей з братьею. Осмый служитель Ѳеодосіевъ сынъ Матвѣй протопопъ з братьею. Девятой служитель протопопъ Иванъ з братьею протопоповъ сынъ Матвѣевъ. А всѣхъ лѣтъ служили триста и полчетверта десятъ лѣтъ непремѣнно родъ ихъ. Се написа Еустаѳеи вторыи Еустаѳьевъ сынъ Корсунска, на память послѣднему роду своему.

Взято изъ рукописнаго сборника XVI столѣтія.

[illegible]

поповъ Геласія да Игнатія досмотрить въ погребѣ у поставленныхъ животовъ ярлыковъ и на ярлыкахъ ево Андреева имяни, для того что онъ грамотѣ неумѣетъ, и у сундуковъ де ярлыки объявились ево Андреева имянемъ и печати въ цѣлости, и въ одинъ де сундукъ дѣти ево Андреевы ходили и вынимали платье и ящикъ, и вдругорядь де приходили предъ Рождествомъ Христовымъ дѣти жъ ево Андреевы и въ сундукъ ходили и поставили ящикъ, и съ писмами ль или съ чѣмъ инымъ того онъ не знаетъ, а онъ де старецъ Корнилей съ дѣтьми ево Андреевыми въ погребѣ былъ же. А послѣ де послѣдняго пріѣзду дѣтей ево Андреевыхъ пріѣзжалъ на ихъ монастырское подворье и ходилъ въ тотъ же кладовой погребъ съ нимъ же старцемъ Корниліемъ Григорей Ивановъ сынъ Вохромѣеевъ для животовъ своихъ, а про животы де ево Григорьевы, что поставлены въ сундукахъ, указывалъ ему Корнилію прежней сушилной старецъ Лаврентей; и онъ де Корнилей потому съ нимъ въ тотъ погребъ исходилъ и послѣ де того онъ Корнилей въ тотъ кладовой погребъ одинъ и ни съ кѣмъ не хаживалъ, и у того погреба замки и печати по прошлую ночь были цѣлы. И вчерашняго де числа въ вечеру въ отдачу дневныхъ часовъ тотъ погребъ онъ Корнилей печаталъ, и въ то де время было все цѣло, и сего де числа въ отдачу ношныхъ часовъ на разсвѣтѣ пошелъ онъ Корнилей въ питейной погребъ, и идучи у того погреба казеннаго осмотрѣлъ, что печать сорвана и замокъ вислой збитъ, а дверь затворена; и онъ де Корнилій отворя тое дверь осмотрѣлъ, что другіе двери того жъ погреба, которые были замкнуты желѣзнымъ же замкомъ, отворены, а замокъ вислой збитъ и виситъ на пробоѣ; и онъ де, неходя къ другимъ дверямъ и въ кладовой погребъ извѣстилъ строителю старцу Дорофею, что у кладоваго погреба замки сбиты и печати сорваны; и строитель де Дорофей съ нимъ старцомъ Корниліемъ и съ стряпчимъ ходили въ тотъ кладовой погребъ досматривать, и по досмотру де въ томъ кладовомъ погребѣ изъ поставленныхъ сундуковъ Ондрея Самарина, у одного сундука кровля выломлена и прислонена къ стѣнѣ, и изъ того де сундука вынято оберчено въ полотно и положено на другомъ сундукѣ; а что де какихъ ево Андреевыхъ животовъ было положено и нынѣ что въ остаткахъ того онъ старецъ Корнилей невѣдаетъ; а кто де у того погреба замки ломалъ и животы ево Андреевы изъ того погреба крадъ, того де онъ невѣдаетъ же, а прошлые де ночи противъ 19 числа на монастырскомъ ихъ подворьѣ хто имяны сторожей былъ, того онъ не вѣдаетъ.

И послѣ роспросу старецъ Корнилей отосланъ на Кириловское подворье и отданъ строителю Іеромонаху Дорофею съ росписною до указу Святѣйшаго Патріарха.

Того жъ числа по указу Святѣйшаго Патріарха посылан на Кириловское подворье Дьякъ Иванъ Калининъ противъ челобитья Самарина для досмотру

збивать никонии лѣлы невозможно. И въ нынѣшнемъ де во 196 году Іюня въ 15 день изъ Сыскного приказу того его челобитья о тѣхъ животахъ Великіе Государи съ бояры слушавъ въ походѣ въ селѣ Измайловѣ указали и бояря приговорили: въ тѣхъ животахъ ему на тѣхъ Кириловскихъ старцовъ бить челомъ Святѣйшему Патріарху и на дѣлѣ де о томъ помѣчено; и Святѣйшій Патріархъ пожаловалъ бы еще велѣлъ въ тѣхъ ево животахъ съ Кириловскими властьми указъ учинить по своему разсмотрѣнію и по соборному уложенію, по тѣмъ вышеписаннымъ статьямъ и по роспросным рѣчамъ сушилного старца, что онъ и самъ сказалъ, что принялъ тѣ ево животы въ цѣлости.

Да Августа въ 25 день въ Патріаршъ розрядъ въ указѣ Великихъ Государей изъ приказу сыскныхъ дѣлъ за приписью Дьяка Космы Пантелѣева написано:

Лѣта 7196, Августа въ 25 день, по указу Великихъ Государей думному дворянину и Патріарщу боярину Михаилу Ивановичу Глѣбову съ товарыщи въ: нынѣшномъ во 196 году Августа въ 17 день билъ челомъ Великимъ Государемъ столникъ Андрей Никитинъ сынъ Квашнинъ-Самаринъ, а въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ думному дворянину Викулѣ Ѳедоровичу Изволскому съ товарыщи подалъ челобитную. А въ челобитной ево написано: билъ челомъ Великимъ Государемъ онъ Андрей въ покраденныхъ своихъ животахъ Кирилова монастыря на старцовъ и на служекъ; и то де дѣло въ сыскномъ приказѣ, и по указу Великихъ Государей, на томъ ево дѣлѣ помѣчено, что ему Андрею о тѣхъ своихъ животахъ на Кириловскихъ старцевъ бить челомъ Святѣйшему Патріарху; и Великіе Государи пожаловали бъ ево велѣли съ тое помѣты изъ сыскного приказу въ Патріаршъ разрядъ послать для вѣдома память, потому что въ Патріаршѣ розрядѣ о той помѣтѣ вѣдомости нѣтъ. На той челобитной помѣта думнаго дьяка Потапья Микифорова: 196 года Августа въ 14 день Великіе Государи пожаловали велѣли о томъ указъ учинить Думному дворянину Викулѣ Ѳедоровичу Изволскому съ товарищи, каковъ указъ учинить по докладной выписки и послать въ Патріаршъ розрядъ память. И въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ въ указѣ Великихъ Государей Іюня 15 числа нынѣшняго 196 году написано: Великіе Государи .... слушавъ съ дѣла докладные выписки въ своемъ Государскомъ походѣ въ селѣ Измайловѣ указали и Бояре приговорили: Кирилова монастыря служекъ Оску Михайлова, Митку Бабкина, Сапку Евтифѣева, Коношку Андреева свободить, отдать стрячему съ росписью; а Андрею Никитину сыну Квашнину-Самарину въ животахъ своихъ будетъ дѣло, и на старцовъ бити челомъ ему Святѣйшему Патріарху; тотъ Великихъ Государей указъ закрѣпилъ думной дьякъ Данило Полянской, такова память за приписью Дьяка Данила Полянскова. 197 Сентября въ 5-й день Святѣйшій Патріархъ указалъ Андрею Никитину сыну Квашнину-Самарину постав-

Stanford University Libraries
3 6105 013 549 816

DK1
M6722
V.15

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.

JUN 1986